

ГРАФЪ ТОЛЬ.

**Краткій журналъ, веденный во время второй
половины похода противъ поляковъ 1831 г.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приводимая нами статья была вручена г. Смитѣ самимъ гр. Толемъ. На вопросъ, можетъ ли она быть напечатана современемъ, при другихъ обстоятельствахъ, Толь изъяснилъ согласіе. Но и ненапечатанная статья эта ходила въ Петербургѣ по рукамъ, и даже дошла до фельдмаршала Паскевича, вслѣдствіе чего, послѣ смерти Толя, онъ написалъ на нее возраженіе, которое мы также помѣщаемъ ниже.

Послѣ смерти Дибича гр. Толь ожидалъ, и имѣлъ основаніе ожидать, быть назначеннымъ главнокомандующимъ въ Польшѣ; онъ былъ посвященъ во все планы и намѣренія покойнаго

фельдмаршала Дибича, и конечно никто лучше его не зналъ всѣхъ обстоятельствъ, отношеній и личностей. Поэтому, назначеніе фельдмаршала Паскевича, разрушившее всѣ его надежды, должно было крайне огорчить его. Назначеніе это было еще невыносимѣе для него, вслѣдствіе характера поваго полководца, дѣлаваго, при кипящей дѣятельности Толя, почти невозможнымъ миролюбивое соглашеніе между ними. Ихъ характеры и взгляды были совершенно противоположны. Толь, достойный ученикъ Суворова, подъ начальствомъ котораго онъ заслужилъ въ Италіи первые эполеты, отличался рѣшимостью, предприимчивостью, храбростью и энергіею, и былъ постоянно въ пользу быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Паскевичъ напротивъ, былъ нерѣшительнаго, мнительнаго характера, во всемъ видѣлъ дурное; при всякомъ случаѣ выказывалъ недовѣріе какъ къ окружающимъ его лицамъ, такъ и къ ввѣреннымъ ему войскамъ и не скрывалъ этого недовѣрія; къ тому же, имѣя мало предприимчивости, но упорно настаивая на принятомъ разѣ мнѣніи, онъ со страхомъ отказывался отъ всякаго отважнаго или смѣлаго предирія, и вслѣдствіе этого былъ почти въ постоянной ссорѣ съ Толемъ. Его принципъ былъ держать армію сосредоточенною и представлять дѣла своему теченію. Но въ инсurreкціонной войнѣ такой принципъ не сообра-

зень съ цѣлью: чѣмъ долѣе продолжается возстаніе, тѣмъ труднѣе управиться съ нимъ, и наконецъ къ нему присоединяется чужестранное вмѣшательство, что могло случиться и въ данномъ случаѣ. Естественно что при такихъ совершенно противоположныхъ воззрѣніяхъ, между ними было мало гармоніи какъ въ мнѣніяхъ, такъ и въ намѣреніяхъ. Толь, какъ подчиненный долженъ былъ покориться, но дѣлалъ это скрѣпя сердце и съ мало сдержаннымъ неудовольствіемъ. Какъ только кончилась война онъ немедленно оставилъ армію. Плодомъ его неудовольствія былъ приводимый нами журналъ, въ которомъ онъ, подъ вліяніемъ досады, иногда слишкомъ строгъ къ фельдмаршалу Пасковичу и упрекаетъ его въ дѣйствіяхъ, которыя отчасти могутъ быть оправданы; но въ цѣломъ Толь вполне правъ, и его статья дастъ намъ любопытныя свѣдѣнія о личностяхъ и обо всемъ происходившемъ въ русской главной квартирѣ.

Ф. Смитъ.

Краткій журналъ графа Толя, веденный во время второй половины похода противъ Поляковъ 1831 г.

Пултускъ, 22 іюня 1831 г.

Съ прибытіемъ фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго къ арміи, мое положеніе, какъ начальника главнаго штаба оной, сдѣлалось для меня весьма отяготительнымъ, ибо я долженъ былъ припоравливаться къ совѣмъ новому человѣку. Но, принимая въ уваженіе обстоятельства, и желая показать Государю моему, что самоотверженіе руководствовало меня всегда, тамъ гдѣ явная польза службы Его того требовали, я призналъ необходимымъ съ прибытіемъ гр. Паскевича еще болѣе показать это на самомъ дѣлѣ. При рапортѣ моемъ, представленномъ фельдмаршалу въ день его пріѣзда (*), 14 іюня, я приложилъ всѣ свѣдѣнія объ арміи:

1) Строевой рапортъ о наличномъ числѣ людей, могущихъ быть въ строю.

2) Списочное состояніе съ показаніемъ всѣхъ командировокъ.

3) Расположеніе арміи.

(*) Фельдмаршалъ прибылъ въ Пултускъ 13 (23) іюня послѣ полудня.
Ф. С.

4) По которое число обезпечена она удовольствіемъ и какія имѣются въ виду поставки.

5) Отчетъ о суммахъ и интенданствѣ.

6) О перевозочныхъ способахъ по продовольствію.

7) О госпиталяхъ и состояніи оныхъ.

Словомъ сказать, я представилъ при этомъ случаѣ полный отчетъ обо всемъ, что подлежить вѣдѣнію генераль-квартирмейстера, дежурнаго генерала, генераль-интенданта и начальниковъ артиллеріи и инженеровъ, съ заглавками, чтобы онъ видѣть могъ, до какой части управленія что касается, и тѣмъ дать ему возможность скорѣе ознакомиться съ нимъ.

На другой день, въ присутствіи генераль-квартирмейстера, представленъ ему былъ проектъ общаго движенія арміи къ пункту переправы чрезъ Вислу (у Осека), который основанъ былъ на предварительныхъ рекогносцировкахъ офицеровъ генеральнаго штаба, въ поискъ сдѣланномъ походнымъ атаманомъ Власовымъ. Фельдмаршалъ разсѣянно разсмотрѣлъ проектъ и нашелъ, что все очень хорошо сдѣлано, и спросилъ при этомъ, «когда все это можно привести въ исполненіе?» Я отвѣчалъ, что мы ожидали только прибытія отряда г. л. Муравьева, который присоединится къ арміи 20 числа здѣсь же въ Пултускѣ. «Хорошо», сказалъ фельдмаршалъ, «такъ 22 можно начать движеніе,—оставьте у

меня эти бумаги, я еще их буду разсматривать.»
— Я положилъ бумаги на столъ и предложилъ представить ему весь главный штабъ арміи, собранный въ залѣ, который и былъ принятъ имъ. Послѣ этого, войдя опять въ кабинетъ, мы говорили о продовольствіи, и фельдмаршалъ опасался, что мы можемъ имѣть недостатокъ въ немъ; на чемъ основывалъ онъ это предположеніе мнѣ неизвѣстно, (*) ибо изъ представленныхъ ему наканунѣ документовъ онъ могъ видѣть, что съ 22, дня выступленія, армія будетъ имѣть съ собою 14 дневный провіантъ, тогда какъ до пункта переправы считалось 8 дней пути и гдѣ насъ уже ожидали новые запасы въ числѣ 15,000 четвертей муки; слѣдовательно еще по крайней мѣрѣ на 20 дней, въ теченіи котораго времени подвозы къ переправѣ изъ Торна и другихъ мѣстъ безпрерывно продолжались бы (**).

Наканунѣ выступленія арміи въ походъ, полковою военный генералъ-полціймейстеръ, ген. м. Лесовскій, представилъ полученное имъ чрезъ

(*) Предметъ, которымъ фельдмаршалъ Паскевичъ болѣе всего занимался во время войны—это продовольствие: о немъ онъ заботился прежде всего, и часто подчинялъ ему всѣ прочія соображенія. Оттого было такъ трудно угодить ему, когда дѣло касалось этого предмета.

(**) Консуломъ нашимъ въ Данцигъ, Тенгоборскимъ, было скуплено въ восточной Пруссіи и вдоль Вислы хлѣба въ муку и зернѣ на 2,200,000 талеромъ.

шпіоновъ извѣстіе, будто непріятель, въ числѣ 20,000 чел., переправился въ Влоцлавкѣ чрезъ Вислу и устраиваетъ мосты у Плоцка, и имѣетъ намѣреніе дѣйствовать на Серпцъ и Шренскъ. Узнавъ объ этомъ, фельдмаршалъ призываетъ меня и говоритъ: «Надобно перемѣнить движеніе нашихъ колоннъ, читайте; непріятель показалея въ Серпцъ и другихъ мѣстахъ. Наши обозы, парки, продовольствіе, въ опасности, и вообще я нахожу, что мы слишкомъ растянуты. Непріятель можетъ изъ Модлина сдѣлать на насъ нападеніе, и мы не въ состояніи подкрѣпить авангарда гр. Витта, а потому надобно это перемѣнять». Всѣ мои доводы касательно неосновательности извѣстія сообщеннаго Лесовскимъ и о невозможности, чтобы непріятель атаковалъ насъ, незная ни о нашемъ движеніи (*) ни о положеніи въ которомъ мы находимся, не только на каждомъ почлегѣ, но и на привалѣ каждаго марша, сверхъ того, возможность соединить всю армію въ 18 часовъ времени, не могли убѣдить фельдмаршала въ основательности моихъ возраженій. Генераль-квартирмейстеръ съ своей стороны дѣлалъ всевозможное, чтобы его убѣдить, но пѣтъ, онъ остался при томъ, что надобно все перемѣ-

(*) Изъ перехваченной депеши къ гр. Сакену, въ польской главной квартирѣ знали о маршѣ и намѣренія противника.

нить, и хотя уже всѣ диспозиціи по первому предположенію были разосланы, пришлось все передѣлать.

Для этого подлежало выдвинуть авангардъ, подъ командою графа Палена, противъ мнимаго 20,000 непріятеля, изъ котораго никогда ни одна душа не переходила на правый берегъ Вислы; потомъ, всѣ обозы (вагенбургъ, состоявшій изъ 6,000 телѣгъ), сдѣлавшіе уже два марша впередъ, обратить назадъ и сблизить съ правой колонной войскъ; наконецъ, колонны войскъ, шедшія въ 10 и 15 верстахъ, паралельно одна отъ другой, значительно сблизить, не взирая на то, что нѣтъ ни дорогъ, ни переправъ, такъ что войска, долженствовавшія по первому предположенію дѣлать отъ 28 до 35 верстъ, по хорошимъ и осматрѣннымъ дорогамъ, по новому опредѣленію шли не болѣе 10—13 верстъ, по едва проходимымъ путямъ, дѣлая гати и мосты по всей дорогѣ, чрезъ что не только люди и лошади весьма изнурились, (особенно саперы, перенесшіе неимовѣрные труды) но армія, долженствовавшая по прежнему разсчету прибыть 29-го къ Осеку, (пункту переправы) еще 30-го числа находилась при Плоцкѣ. Не взирая на это промедленіе марша, непріятель узналъ о нашемъ движеніи изъ Пултуска только 27-го числа (т. е. пять дней послѣ нашего выступленія изъ Пул-

туска) (*), ибо первыя его войска, въ числѣ отъ 5 до 6 тысячъ, появились у Плоцка только 28-го, гдѣ нашли одинъ казачій полкъ Борова, потому что армія находилась уже съ 27-го числа при Плоцкѣ, что также служило доказательствомъ справедливости доводовъ моихъ, что непріятель, прежде трехъ или четырехъ дней, о движеніи нашемъ узнать не можетъ. тогда какъ фельдмаршалъ утверждалъ, что онъ съ нами встрѣтиться могъ въ одинъ и тотъ же день на ночлегахъ. Признаюсь, что при этомъ первомъ столкновеніи я увидѣлъ въ фельдмаршалѣ того же самаго Паскевича, котораго я зналъ въ нѣмцѣ моихъ лѣтахъ. Надобно сказать, что я былъ знакомъ съ графомъ Паскевичемъ, когда онъ былъ еще камеръ-пажомъ, зналъ его воспитаніе, первые годы его службы, и хотя въ продолженіи оной, мнѣ не довелось служить съ нимъ вмѣстѣ, такъ чтобы быть въ близкихъ сношеніяхъ по службѣ, но, будучи генераль-квартирмейстеромъ арміи (**), съ подполковничьяго чина, и имѣя случай узнавать достоинства чиновъ, армію составляющихъ,

(*) Въ этомъ случаѣ Толь ошибается; непріятель давно зналъ объ этомъ движеніи, но не предпринялъ ничего вслѣдствіе несогласій и раздора.

(**) Въ Молдавіи и Валахіи во время турецкой войны 1806—9 г.

я могу сказать, что графъ Паскевичъ слылъ всегда за весьма храбраго человѣка, отличными же генеральскими способностями онъ вовсе не былъ извѣстенъ въ арміи до посылки его въ кавказскій корпусъ (*), гдѣ онъ составилъ себѣ репутацію. При всемъ томъ, какъ выше сказано, зная все его воспитаніе и образованіе, которое онъ тогда могъ получить въ Пажескомъ корпусѣ, я долженъ сказать, что оно было весьма ограничено; къ тому же онъ не имѣетъ способности объясняться. Къ этому должно еще присоединить, какъ главныя черты его характера, неограниченное самолюбіе, недовѣрчивость и нестойчивость, такъ что всякое разсужденіе съ нимъ о дѣлахъ крайне утомительно. Теперь каждому будетъ понятно, отчего при всѣхъ военныхъ совѣщаніяхъ, въ которыхъ мнѣ до сего дня случилось быть, нигдѣ не могъ я доказать справедливость моихъ доводовъ, основанныхъ на истинныхъ правилахъ войны, на знаніи края, его жителей, нашихъ непріятелей и образѣ войны, на способностяхъ нашихъ генераловъ, на превосходствѣ нашихъ войскъ и ихъ хорошемъ духѣ, словомъ сказать: основанныхъ на томъ, что я, по занимаемому

(*) Именно противъ Персовъ, гдѣ не было трудно составлять себѣ репутацію.

мѣсту въ арміи, ежедневно изъ опытовъ могъ узнать. Нѣтъ, ничто не могло его убѣдить, даже и то, что я съ подполковничьяго чина былъ столько счастливъ занимать мѣсто генераль-квартирмейстера и пользовался уже тогда (въ 1807 г.) довѣренностію генерала Михельсона, въ 1812 г. кн. Барклая де Толли, кн. Кутузова и наконецъ въ 1813, 14, 15 годахъ все въ той же должности, Высочайшею довѣренностію, Государя Александра Павловича, продолжавшеюся до кончины Его. Всѣ, позднѣйшіе мои начальники, фельдмаршалы: гр. Сакенъ и гр. Дибичъ-Забалканскій, тоже въ полной мѣрѣ оказывали мнѣ таковое же довѣріе, а теперь, я долженъ употреблять все краснорѣчіе, чтобы убѣдить въ истинѣ моихъ доводовъ и, какъ видно, не успѣваю. На это фельдмаршалъ отвѣчалъ мнѣ: «Я имѣю все уваженіе къ вашимъ дарованіямъ, но я тутъ въ арміи никого не знаю и долженъ познакомиться со всѣми безъ исключенія. Графъ Дибичъ былъ всегда противъ меня, и съ нимъ вся его главная квартира, кромѣ васъ, которая, Богъ знаетъ что обо мнѣ писала. Что вы мнѣ противъ этого скажите? Красовскій, Муравьевъ (*), Сакенъ, какъ недостойные, должны были оставить Кавказскій край; графъ Дибичъ не только принималъ ихъ къ себѣ

(*) Впослѣдствіи покоритель Кавказа.

въ армію и послѣднихъ двухъ представилъ въ генералъ-лейтенанты, но и прочихъ, Волховскаго, Гасфорта, всѣми мѣрами благодѣтельствовавъ». — «Я вамъ какъ честный человѣкъ сказать могу», отвѣчалъ я, «что главная квартира гр. Дибича радовалась только успѣхамъ вашимъ и никогда ничего предосудительнаго о васъ не писала. Сакенъ и Муравьевъ получили чины по заслугамъ, ибо они изъ лучшихъ генераловъ въ арміи. Касательно же того, что вамъ нужно прежде ознакомиться со всѣми, я прошу ваше сіятельство, имѣть полное довѣріе къ главнымъ лицамъ, главный штабъ арміи составляющимъ и Государемъ Императоромъ утвержденнымъ. Я за каждого изъ нихъ отвѣчаю честью моею; въ противномъ случаѣ дѣло пойдетъ не на ладъ, ибо многое должно быть основано на довѣріи, и если кто не по васъ, то можно его удалить. Я первый пойду прочь, если я вашему сіятельству не сходимъ и даже прошу васъ, если вы сочтете полезнымъ для службы, написать о томъ Государю и тогда на мое мѣсто назначутъ другаго (*).

(*) Поляки господствовали тогда надъ всею европейскою прессою, и не смотря на все ея искаженіе, она имѣла такое вліяніе, что даже высокопоставленныя лица, могущія знать

Плоцкъ, 27 іюня.

Въ продолженіи всего марша отъ Пултуска къ Плоцку фельдмаршалъ находилъ, что войска не умѣютъ идти походомъ. Вездѣ хотѣлъ онъ учить генераловъ и полковыхъ командировъ, и требовалъ, чтобы войска шли такъ сомкнуто, какъ бы движеніе совершалось по степямъ персидскимъ, гдѣ не встрѣчаютъ почти никакихъ мѣстныхъ препятствій. Фельдмаршалъ самъ избралъ по картѣ новыя дороги, по которымъ нельзя было иначе идти, какъ отыскивая, во избѣжаніе болотъ, боковые обходы, отчего невольнымъ образомъ артиллерія, обозы и пр. оттягивались; словомъ сказать, уже на этомъ маршѣ фельдмаршалъ наскучилъ всѣмъ своими разсужденіями, ибо онъ говорилъ такъ, какъ будто бы никто никогда не бывалъ въ походахъ. Я уже упомянулъ выше, что войска наши дѣлали марши отъ 10 до 15 верстъ, устраивая гати и мосты, отчего были на походѣ отъ 8 до 10 часовъ, изнуряясь чрезвычайно. По этому въ Плоцкѣ, должно было

точнымъ образомъ всѣ обстоятельства, подчинялись ей; фельдмаршалъ Паскевичъ былъ также зараженъ общимъ заблужденіемъ, я прибылъ съ самымъ невыгоднымъ мнѣніемъ о храброй арміи, которою онъ долженъ былъ командовать. И это мнѣніе онъ выражалъ при каждомъ случаѣ.

дать войскамъ необходимый отдыхъ, а обозамъ время приблизиться къ арміи. Большое было счастье для насъ, что непріятель ничего не зналъ о нашемъ движеніи (*), потому что если бы онъ въ этомъ положеніи атаковалъ авангардъ гр. Витта, слѣдовавшій ближайшею дорогою къ Модлину, то никакая часть арміи не могла бы прийти къ нему на помощь, ибо колонны ея забрались въ такія болота, изъ которыхъ не было никакихъ поперечныхъ дорогъ для сообщенія съ авангардомъ.

Плоцкъ, 29 іюня.

Сегодня во время обѣда фельдмаршалъ получилъ донесеніе графа Витта, что «непріятель наступаетъ, сбилъ съ одной стороны посты наши при Блеховѣ, а съ другой стороны при Мишевѣ, что ближе къ Бодзанову, и съ прочими силами потянулся на Бодзаново. Силы непріятеля, которыя можно было замѣтить, состоятъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты и нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи». Прочитавъ этотъ рапортъ, фельдмаршалъ задумался, пересталъ ѣсть и сказалъ чело­вѣку, чтобы сѣдлали лошадь. Вскорѣ послѣ этого мы встали отъ стола, онъ попросилъ меня

(*) Онъ очень хорошо зналъ о немъ.

въ кабинетъ и спросилъ меня: какъ я думаю, что дѣлать? Я отвѣчалъ, смотря на карту: «Надобно поднестить непріятеля до втораго Миннева и видѣть ближе, въ какихъ силахъ онъ дѣйстви-тельно находится, ибо то, о чемъ доноситъ гр. Виттъ, такъ маловажно, что по отдаленности непріятеля отъ нашего авангарда, это нельзя принять и въ соображеніе. Все, что сдѣлать можно, это приказать войскамъ авангарда и гренадерскаго корпуса, быть готовыми къ выступленію, и если непріятель приблизится въ силахъ; то приказать выступить симъ войскамъ и ночевать въ самомъ близкомъ отъ него разстояніи и съ разсвѣтомъ атаковать, разбить его и преслѣдовать до самаго Модлина» (*). «Я съ этимъ не согласенъ», отвѣчалъ фельдмаршалъ, «я скорѣе дождусь непріятеля здѣсь въ крѣпкой позиціи, и какъ онъ можетъ быть въ 50.000 чел., то я приму лучше сраженіе со всѣми соединенными силами, т. е. и съ гвардіею». Я возразилъ, что «силъ этихъ на сей сторонѣ Вислы быть не можетъ, ибо непріятель, долженствуя воспрепятствовать переправѣ нашей, не рѣшится отдѣлать на правый берегъ Вислы столь значительную часть, составляющую почти $\frac{1}{5}$ его

(*) Въ этомъ случаѣ Толь увлекался. Столь далекое преслѣдованіе отвлекло бы отъ настоящей цѣли—переправы черезъ Вислу.

арміи (*).» Но фельдмаршалъ настаивалъ на своемъ мнѣніи, я же болѣе ничего не предлагалъ, видя, что это было бы совершенно бесполезно. Фельдмаршалъ продолжалъ говорить, «что онъ готовъ отступить на Камень-Котово, если дѣйствительно окажется что непріятель въ силахъ, и тамъ съ присоединеніемъ отряда Муравьева (который вмѣстѣ съ 1-мъ корпусомъ направился къ пункту переправы) дать сраженіе». Я уже молчалъ, потому что это мнѣніе еще менѣе согласовалось съ моимъ, мы имѣли бы такимъ образомъ слабаго непріятеля на плечахъ и у самаго пункта переправы (**). При этомъ нужно замѣтить, что всѣ свѣдѣнія полученные черезъ лазутчиковъ, передававшихся и захваченныхъ плѣнныхъ, согласовались въ томъ, что всего на все перешло Вислу при Модлинѣ отъ 10 до 12,000 чел. съ 20 орудіями, подъ командою Мюльберга.

Въ теченіи этого разговора въ душѣ фельдмаршала замѣтно было большое смятеніе; онъ

(*) Непріятель удобнѣе всего могъ воспрепятствовать переправѣ посредствомъ нападений на правомъ берегу, подобно тому, какъ это было исполнено у Тырчяна, когда Дибличъ намѣревался совершить переправу.

(**) Мы полагаемъ, что фельдмаршалъ былъ правъ,—о «имѣніи на плечахъ непріятеля у пункта переправы,» не могло быть и рѣчи, потому что фельдмаршалъ намѣревался прежде дать ему сраженіе.

приказалъ мнѣ тотчасъ выслать изъ Плоцка всѣ обозы главной квартиры, очистить островъ нами занятый и отдать разныя другія повелѣнія, которыхъ половину я понять не могъ: то о занятіи крѣпкой позиціи, то объ отступленіи къ Камень-Котову, и потомъ вдругъ сказалъ: «Надобно ударить тревогу на площади». — «Ваше сіятельство», сказалъ я самымъ убѣдительнымъ образомъ, «будьте спокойнѣе, этого не нужно, мы встревожимъ всѣхъ, что скажутъ жители въ городѣ, какое вредное вліяніе это произведетъ. Вспомните, непріятельскіе передовые посты въ 30 верстахъ отъ авангарда, вѣдь имъ нужно 6 часовъ времени, чтобы подойти сюда; я увѣренъ, что это только малая часть его войскъ»... На это фельдмаршалъ разсердился и сказалъ: «Пожалуйста не учите меня, уже это въ моемъ характерѣ». Видя его въ такомъ положеніи, я замолчалъ и потомъ вышелъ изъ кабинета и пошелъ домой, чтобы спокойно дать повелѣніе дежурному генералу объ отправленіи обозовъ главной квартиры и заняться бумагами. Не прошло четверти часа, какъ я увидѣлъ изъ окна, фельдмаршала, одного, скачущаго во весь галопъ чрезъ площадь, не имѣя ни одного адъютанта при себѣ. Тутъ я болѣе не усомнился, что онъ совершенно потерялъ все присутствіе духа и продолжалъ заниматься, полагая, что онъ безъ всякаго сомнѣнія получитъ на дорогѣ

извѣстіе, что непріятель остановился, потому что уже наступалъ вечеръ. Черезъ полъ часа послѣ этого прискакалъ ко мнѣ адъютантъ отъ фельдмаршала сказать мнѣ, что онъ поѣхалъ въ гренадерскій корпусъ. Черезъ нѣсколько времени другой адъютантъ, именно Ланской, что фельдмаршалъ приказалъ мнѣ доложить, что непріятель уже въ двухъ верстахъ отъ авангарда. Я хотя не вѣрилъ этому, сѣлъ однако на лошадь и поѣхалъ въ сопровожденіи дежурнаго генерала и генераль-квартирмейстера въ гренадерскій корпусъ. Здѣсь узналъ я, что фельдмаршалъ поскакалъ въ авангардъ. Вижу вездѣ биваки сбиты, войска въ ружьѣ и готовыя къ походу, проливной дождь, продолжавшійся нѣсколько часовъ, не переставалъ затруднять наше положеніе. Наконецъ пріѣхалъ я въ авангардъ, встрѣти дорогою еще двухъ посланныхъ за мною адъютантовъ. Сойдя съ лошади и войдя въ избу графа Витта, вижу я фельдмаршала разсматривающаго карту. Тутъ были гр. Виттъ, Бергъ и пріѣхавшіе со мною Нейдгартъ и Обручевъ. «*Qu' en pensez-vous, que faut-il-faire?*» спросилъ меня фельдмаршалъ и продолжалъ: «*L'ennemi est en force, Skrzynecki avec toute son armée est ici*». — «*Où donc?*» спросилъ я—открылось, что передовые непріятельскіе посты въ 25 верстахъ отъ насъ; я уже тутъ потерялъ нѣсколько терпѣніе, видя, что отъ боязни быть атакованнымъ, фельд-

маршалу показался неприятель въ двухъ верстахъ отъ нашего авангарда и сказалъ: «On ne peut pas juger de la chose, sans s'être convaincu. Faites faire une reconnaissance avec 30 escadrons, soutenus d'une division de grenadiers et vous verrez clair. Il ne faut pas se fier toujours sur les rapports des cosaques. En attendant, puisque vous supposez l'ennemi venant à nous, et que vous n'avez pas l'intention d'aller à sa rencontre, plaçons l'armée en position. Je viens de parcourir le terrain en venant ici; pendant toute la guerre nous n'avons pas eu un si beau champ de bataille, et si l'ennemi a l'imprudence de venir dans ces plaines, il sera battu complètement. Je crains seulement, que cette prétendue armée de Skrzynecki n'est pas ici». Фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Nous ne sommes pas réunis, il nous manque Murawiew, je prendrai plutôt une position en arrière, voyez un peu la carte, voilà une forte position à prendre derrière le Skrw». Этимъ кончился разговоръ; мы съѣли на лошадей и поскакали опять мимо всѣхъ лагерей и, когда уже смерклось, прибыли въ деревню нѣмецкихъ колонистовъ, гдѣ мы кое-какъ размѣстились, но не имѣли даже чаши чаю чтобы отогрѣться. Войдя вмѣстѣ съ Нейдгартомъ и г.-м. Рихтеромъ, занимающимъ обыкновенно лагери для войскъ, въ комнату фельдмаршала, мы увидѣли его въ большемъ смятеніи ходящаго по комнатѣ, и говорящаго: «ils nous attaqueront demain, ils marcheront toute la nuit. Il

faut faire partir la troupe tout de suite». «Ваше сіятельство» сказалъ я самымъ убѣдительнымъ образомъ, «не дѣлайте этого. Ночной маршъ въ этотъ дождь поведетъ за собою большіе безпорядки. Если же вы хотите отступить, то можно приказать выступать войскамъ въ 4 часа пополудни». — «Нѣтъ, это будетъ поздно», сказалъ фельдмаршалъ, «непріятель можетъ съ разсвѣтомъ атаковать насъ. Надобно тотчасъ писать диспозицію. Генералъ Рихтеръ, пишите». Тутъ началъ онъ диктовать ее, но такъ не связно, что мудрено было понять что либо. «Артиллерія и обозы идутъ въ двѣ веревки по большой дорогѣ». Сдѣлавъ на это возраженіе, что мосты не такъ широки, чтобы по нимъ можно было пройти въ двѣ веревки, фельдмаршалъ съ негодованіемъ отвѣчалъ: «Нѣтъ нужды». Потомъ: «Кавалерія идетъ на право отъ дороги, нѣхота на лѣво». — «Тутъ канавы могутъ встрѣтиться» сказалъ я, «придется опять выходить на дорогу». — «Нѣтъ надобности въ томъ» возразилъ фельдмаршалъ, «они могутъ идти обходомъ». Словомъ сказать, ничего съ моей стороны не было сказано въ помядѣ.

30-го іюня.

Въ ночь съ 29 на 30, въ 2 часа пополудни, всѣ войска снялись съ позицій и послѣдовали

за рѣчку Скрву, гдѣ фельдмаршалъ полагалъ дать сраженіе. Авангардъ графа Витта долженъ былъ оставаться на своей позиціи, а пѣхоту свою, состоявшую изъ 1-й гренадерской дивизіи, перевести въ бывший лагерь гренадерскаго корпуса.

Ночное движеніе, всегда сопряженное съ нѣкоторымъ безпорядкомъ, представляло тутъ совершенно разстроенную армію, отступающую предъ сильно тѣснящимъ ее непріателемъ. Артиллерія и другія тяжести шли по дорогѣ въ грязи по ступицу, съ трудомъ подвигаясь впередъ. Кавалерія и пѣхота на право и на лѣво по засѣяннымъ и вновь вспаханымъ полямъ; такъ что при переправахъ чрезъ мостики на малыхъ ручьяхъ, все это стѣснялось къ пункту переправы и представляло видъ самаго разстроеннаго войска. Самъ фельдмаршалъ, съ двухъ часовъ на конѣ, торопилъ всѣхъ, приказывалъ скорѣе идти, прибавить шагу, идти рысью; словомъ сказать, все походило на разбитое бѣгущее войско. Прекрасная наша гвардія, особенно кавалерія, должна была большую часть перехода идти на рысяхъ. Первые эскадроны шли кое-какъ по запаханымъ полямъ, слѣдующіе по брюхо, а задніе отыскивая себѣ обходы, ибо по тому же слѣду идти было невозможно. Пѣхота шла черезъ лужи и пруды по поясъ; многіе падали въ воду. Словомъ

сказать, этотъ ночной переходъ, каковаго я во всю службу мою не видѣлъ, но только что безъ всякой надобности изнурилъ совершенно войска, но подѣйствовалъ чрезвычайно невыгодно на духъ войскъ. Всякій спрашивалъ себя: «куда мы торопимся? гдѣ непріятель?» и всѣ въ грязи отъ головы до ногъ, мокрые насквозь, не находили причинъ столь чуднаго марша. Войска, при первой тревогѣ, самимъ фельдмаршаломъ произведенной, по личному его повелѣнію, сбили свои бивуаки, стали въ ружье и были готовыми къ бою, отчего при проливномъ дождѣ, продолжавшемся сряду нѣсколько часовъ, люди по имѣли никакого пріюта, не варили себѣ вечерней каши, и такъ изнурились, что во всѣхъ полкахъ, особенно гвардейскихъ, появилась вновь холера, такъ что заболѣвшихъ оною было въ одной гвардіи до 80 человекъ.

1-го іюля.

Главная квартира прибыла въ Сикоржъ за рѣку Скрву. Изъ авангарда гр. Витга получено было донесеніе, что непріятель сосредоточивается около Лубковъ, но ничего не предпринимаетъ. Всѣ силы его передъ авангардомъ нашимъ по показанію плѣнныхъ, состоятъ подѣ командою Мюльберга и могутъ простираться отъ 6 до 8 тысячъ, прочія же непріятельскія войска въ

числѣ 12,000 эшелонированы къ Модлину подѣ командою Скржинецкаго. Одно имя сего мятежника по видимому достаточно, чтобы заставить предполагать фельдмаршала, что непріятель съ 50,000 чел. имѣетъ намѣреніе обойти насъ чрезъ Сериць, пустивъ слабыя колонны чрезъ Камень-Котово на Липно и чрезъ Добржинѣ къ Осеку, пункту нашей переправы на Вислѣ. Всѣ мои доводы, основанные на истинныхъ правилахъ войны, недостаточны, чтобы вывести его изъ этого опасенія и разувѣрить, что непріятель, при слабости своихъ силъ, т. е. имѣя всего 50,000 дурныхъ войскъ, не осмѣлится раздѣлиться на три колонны, потому что тогда мы его совершенно разобьемъ, и едва ли малая часть его арміи возвратится въ Модлинъ. Обыкновенно въ этихъ спорахъ фельдмаршалъ предлагалъ мнѣ закладъ, (какъ и теперь о 5 червонцахъ,) который всегда ему приходилось платить мнѣ; но это ни мало не заставляло его принимать мои предложенія, всегда обстоятельствомъ оправданныя.

Въ этомъ безпрестанномъ опасеніи и безпокойствахъ, фельдмаршалъ не предпринималъ ничего рѣшительнаго. То полагаетъ онъ присоединить къ арміи 3-ю гренадерскую дивизію и отрядъ Муравьева, необходимые для устройства переправы и уже туда отправленные; то приблизить парки, сухарныя фуры; словомъ сказать,

въ эту важную минуту, гдѣ скорая переправа есть и была единственная цѣль нашего марша къ нижней Вислѣ, она не приводится въ исполненіе.

2-го и 3-го іюля.

Послѣ неоднократныхъ споровъ и доказательствъ, противнаго тому, что предполагаетъ фельдмаршалъ, т. е. что непріятель всѣми силами слѣдить за нами и хочетъ атаковать насъ, рѣшается онъ наконецъ продолжать свое движеніе чрезъ Камень-Котово въ Липно.

Гр. Виттъ доноситъ, что непріятельскіе передовые посты, производятъ незначительныя нападенія на наши посты, безъ дальнихъ однако послѣдствій, потому что всякій разъ бываютъ прогоняемы нами.

4-го іюля.

Полковникъ Кузнецовъ, командиръ Атаманскаго полка, доноситъ, что непріятель сбивъ его посты, направляется на Серпецъ. Опять новая бѣда! «Не говорилъ ли я, что онъ пойдетъ на Серпецъ?» — «Говорили», отвѣчалъ я, «но жаль, что это не сбудется». — «Хорошо, вы мнѣ заплатите закладъ», сказалъ фельдмаршалъ. — «Увидимъ, кто кому заплатитъ», отвѣчалъ я, и началъ

ему вновь доказывать неосновательность этого движенія. Между тѣмъ, онъ приказываетъ арміи выступить изъ Липно, чтобы занять въ Киколѣ прежде осматрѣнную сильную позицію. Муравьева останавливаютъ при Волѣ. 3-я гренадерская дивизія непременно должна быть готова по первому повелѣнію возвратиться на позицію при Киколѣ, вслѣдствіе чего гр. Паленъ, находящійся на переправѣ, проситъ Христомъ Богомъ, не отбирать ее, потому что всѣ работы на переправѣ остановятся, и онъ слишкомъ слабъ, чтобы противустать непріятелю, если бы онъ подступилъ къ переправѣ.

5 го июля.

Получается рапортъ отъ Кузнецова, что онъ, съ передовыми своими постами, недопустилъ непріятеля приблизиться къ Серпцу, атаковалъ и опрокинулъ его, и что какъ кажется, мятежники отступаютъ къ Бѣльску. Пользуясь этимъ случаемъ, я предлагаю фельдмаршалу, сдѣлавъ уже напередъ расчетъ движенія всякой части войскъ къ переправѣ, приказать привести такое въ исполненіе. Новая нерѣшимость. «Нужно ожидать подробнаго донесенія отъ Кузнецова, и вообще изъ авангарда», говоритъ фельдмаршалъ.

6-го июля.

Гр. Виттъ доноситъ, что непріятель 5-го числа въ 10 час. утра, предпринялъ общее отступленіе всѣми силами чрезъ Плоцкъ къ Модлину, что подтверждается также показаніями дезертировъ. Наконецъ фельдмаршалъ, съ веселымъ видомъ вынимая 5 червонцевъ, отдаетъ мнѣ ихъ какъ проигранный закладъ, говоря, что я былъ правъ, на что я повторилъ неоднократно повторенное «что мятежники не только не посмѣютъ никогда атаковать насъ, но при всякомъ наступательномъ движеніи нашемъ, будутъ бѣжать отъ насъ, что это есть слѣдствіе сраженія при Остроленкѣ, гдѣ они узнали твердость и непоколебимость нашихъ войскъ». Фельдмаршалъ, выслушавъ примолвилъ: «Дай Богъ чтобы ваши слова сбылись», и приказалъ въ то же время немедленно привести въ исполненіе предлагаемый мною порядокъ переправлять войска. Призвавъ ген. ад. Нейдгарта, отдалъ я ему повелѣніе фельдмаршала для составленія диспозиціи, которая могла бы быть приведена въ исполненіе съ математическою точностью, если бы послѣ двухъ-дневныхъ дождей не прибыла бы вода въ Вислѣ, разстроивъ нѣсколько мосты наши, потребовавшіе отъ 6 до 8 часовъ времени для починки. Не менѣе того, по сдѣланному мною разсчету, переправа должна была со-

вершиться по пяти мостамъ, начиная оную 6 числа въ 11 часовъ пополудни до 9 числа къ 5 часамъ пополудни, т. е. въ 65 часовъ времени, что и исполнено. Здѣсь переправилось 60,000 войска, 310 орудій, подвижные: госпиталь и магазинъ, 6 артиллерійскихъ парковъ, подвижный арсеналь, весь сухарный обозъ или лучше сказать, фурштатъ арміи, весь легкій и тяжелый вагенбургъ арміи. Все это составляетъ 6,500 повозокъ.

7-го іюля.

Фельдмаршалъ успокоился. Непріятель на правомъ берегу въ полномъ отступленіи. На самой переправѣ нѣтъ никакого препятствія; все идетъ хотя медленно, по крайнему изнуренію лошадей, но движется и переправа приводится въ исполненіе. — Одно, что меня беспокоитъ, это то, что фельдмаршалъ вовсе не подумалъ о продовольствіи войскъ, для быстрого по переходѣ оныхъ движенія; потому что онъ неоднократно до сего говорилъ генералъ-интенданту, «если вы мнѣ только доставите въ войска мукъ, то они уже обезпечены, ибо они могутъ, въ случаѣ необходимости, дѣлать себѣ галушки!» Когда я объ этомъ узналъ, то такъ удивился, что не хотѣлъ этому вѣрить, ибо во всю войну войска не имѣли надобности печь себѣ галушки, которыя

произвели бы жестокия болѣзни. Сего числа къ вечеру переправилась и главная квартира и перешла въ мѣст. Раціонжекъ.

8-го іюля.

При первомъ свиданіи съ фельдмаршаломъ, я предложилъ занять авангардомъ Брестъ-Кѣявскій и Влоцлавкѣ, гдѣ показался непріятель съ частью пѣхоты и кавалеріи, но въ весьма малыхъ силахъ. Это было необходимо для насъ, чтобы имѣть такой районъ земли, гдѣ бы свободно можно было начать войсками хлѣбопеченіе на 14 дней. Но фельдмаршалъ никакъ не соглашался на это, опасаясь завязать съ непріятелемъ *пѣхотное дѣло*, при чемъ армія вынуждена будетъ поддержать авангардъ всѣми массами, и тѣмъ, невольнымъ образомъ принуждена къ сраженію. Тутъ я уже не могъ вытерпѣть и сказалъ «почему считаетъ онъ, что непріятель, котораго полагалъ еще 5-го числа въ 50,000 противу насъ на правомъ берегу Вислы, вдругъ очутиться можетъ въ тѣхъ же силахъ при Брестъ-Кѣявскомъ, чтобы вынудить всю нашу армію, поддержать свой авангардъ?». Кажется, этотъ доводъ можетъ служить аксіомою.

Съ 9 го по 15 іюля.

Съ 9 по 15 число включительно, армія занималась хлѣбопеченіемъ и приведеніемъ онаго въ сухари на 14 дней. Авангардъ занялъ наконецъ, по предложенію моему, Влоцлавкъ и Брестъ-Куявскій. Непріятель, будучи слабъ, былъ скоро выгнанъ нашими войсками. Доказательствомъ, до какой степени плохи мятежническія войска, можетъ служить слѣдующее. Одинъ эскадронъ Клястицкаго гусарскаго полка достаточенъ былъ, чтобы выгнать изъ Влоцлавка 300 косицеровъ и 50 уланъ, къ которымъ присоединилась и часть вооруженныхъ жителей, взявъ 40 чел. въ плѣнъ (*). 25 казаковъ слѣдуя изъ Бреста-Куявскаго въ Клодаву, захватили почту и трехъ медиковъ, и когда 100 конныхъ поляковъ выѣхали противъ нихъ, то казаки стали отступать и поворотивъ вдругъ на преслѣдующихъ, перекололи нѣсколькихъ и взяли въ плѣнъ 11 человекъ. Полковникъ Кузнецовъ съ казаками Атаманскаго полка, слѣдуя изъ Бреста-Куявскаго на Слесинъ, встрѣтилъ сперва 600 и въ самомъ Слесинѣ до 1,000 человекъ, и разбилъ ихъ совершенно, взявъ въ

(*) Это не были регулярныя войска, а ополченцы.

плѣнь 1 полковника, 2 штабъ-офицеровъ и 180 нижнихъ чиновъ. Всѣ эти малыя поиски, столь необходимые для внушенія страха непріятелю и обезпеченія собственныхъ нашихъ сообщеній, дѣлались тихомолкомъ, не спрашивая фельд-маршала, ибо мы были увѣрены, что, если бы спросить позволенія, онъ отказалъ бы, опасаясь потерять одну изъ этихъ партій. Ему доносили лишь тогда, когда дѣло уже было кончено, и хотя и будучи доволенъ, онъ всетаки не могъ удержаться, чтобы не сдѣлать своего замѣчанія съ пасмѣшкою: «*Ce sont des piqures, Napoléon n'a jamais fait cela*». Надобно сказать, что въ этомъ случаѣ фельдмаршалъ весьма смѣшонъ. Желая подражать Наполеону, онъ только и употребляетъ слова : «*Il faut porter un grand coup*» — «*Un jour de bataille il faut réunir tout ce qu'on peut*» — «*Il faut voir — il faut manœuvrer*». Все это говорить онъ въ томъ увѣрительномъ и важномъ тонѣ, какъ будто бы хотѣлъ воспользоваться первымъ случаемъ. Между тѣмъ, лишь только получить онъ откуда нибудь извѣстіе, или узнать, что говорятъ жители, что въ такомъ-то мѣстѣ собираются непріятельскія войска, особенно если это въ пунктѣ находящемся на флангѣ арміи, онъ тотчасъ перемѣняется, и вмѣсто вышеупомянутыхъ выраженій слышимъ: «*Qu'est-ce qu'ils veulent?*» говорить онъ — «*ils vont faire*

des farces; ils vont tomber sur nos convois, ils veulent nous tourner». Словомъ сказать, изъ прежняго гордаго тона приходитъ въ опасеніе, что непріятель угрожаетъ нападеніемъ, и все мои увѣренія, что этого быть не можетъ, что это пустые слухи жителей, умышленно разглашаемые ими, недостаточны, чтобы успокоить его, ибо, что онъ разъ задумаетъ, въ томъ нѣтъ возможности разубѣдить его.

Во все время хлѣбопеченія замѣтно было въ фельдмаршалѣ безпокойство, недовѣріе къ генералъ интенданту, дежурному генералу и къ прочимъ лицамъ. Выше я упомянулъ, что онъ довольствовался тѣмъ, если мука находится въ наличности при войскахъ, ибо по его мнѣнію, солдаты могутъ себѣ дѣлать галушки и мука возиться въ фурахъ. Теперь онъ находилъ, что недовольно скоро пекутъ хлѣбъ и обращаютъ его въ сухари, хотя къ успѣшному исполненію сего, я выпросилъ у него письменное повелѣніе каждому корпусному командиру съ требованіемъ, чтобы въ 5 дневный срокъ изготовленъ былъ 14 дневный провіантъ въ сухаряхъ, и чтобы объ успѣхахъ заготовленія было ежедневно доносимо. Коль же скоро онъ усматривалъ изъ упомянутыхъ рапортовъ, что въ томъ или другомъ корпусѣ дѣло идетъ тихо, то тотчасъ дѣлалъ выговоры дежурному генералу за медленность, или посы-

лалъ прямо въ корпусную квартиру адъютанта своего узнать, почему такъ вяло идетъ работа; наконецъ, онъ хотѣлъ было свалить и на меня занятія этимъ дѣломъ, что произвело между нами нѣкоторое неудовольствіе. Я ему доложилъ, что я сдѣлалъ все то что отъ меня зависѣло; я поднесъ къ его подписи бумагу, о которой онъ мнѣ вовсе не говорилъ, для приказанія обращать муку въ хлѣбы и сухари, о каковыхъ распоряженіяхъ извѣщенъ былъ и генералъ-интендантъ. Слѣдствіемъ этого было, что корпусные командиры тотчасъ и занялись симъ дѣломъ, которое, къ назначенному сроку, безъ сомнѣнія, будетъ готово; что послѣ этого я ничего болѣе не могу сдѣлать, какъ только узнавать чрезъ дежурнаго генерала объ успѣшномъ ходѣ работъ. Впрочемъ, если онъ отъ меня теперь это требуетъ, то я долженъ признаться, что заниматься интенданствомъ во всей подробности, есть для меня дѣло совершенно новое, ибо и по учрежденію о большой дѣйствующей арміи, на это есть генералъ-интендантъ, который прямо имѣетъ дѣло съ главнокомандующимъ, потому что тутъ большая отчетность, за которую начальникъ главнаго штаба отвѣчать не можетъ. На этомъ основаніи дѣйствовалъ и покойный фельдмаршалъ, который самъ распоряжался этою частью, и дѣло шло такъ хорошо, что армія ни одного дня не бы-

ла безъ хлѣба. Это подало ему поводъ къ большимъ разсказамъ, что онъ самъ занимался этою частью въ персидской и турецкой войнѣ, и что она была устроена у него очень хорошо. На-
добно при этомъ упомянуть, что войны съ 1827 по 1829 г. онъ считалъ образцомъ военнаго искусства; во всѣхъ его разсказахъ видно неограниченное самолюбіе, и онъ такъ увѣренъ въ своемъ искусствѣ, что тѣ же правила хочетъ примѣнить и къ европейской войнѣ. Въ азіатской войнѣ нельзя было посылать партизановъ, ибо въ тамошнемъ краю, по малонаселенности они не могли ни получать, ни доставлять извѣстій, и, по неимѣнію хорошихъ картъ, не могли дѣйствовать иначе, какъ съ большою для себя опасностью. Въ этомъ убѣжденіи онъ и здѣсь опасается послать партизана, а самъ боится, чтобы непріятельскія партіи не напали бы на наши обозы, какъ то случается противъ Азіатцевъ, если они немного только отдѣлятся отъ арміи, которая сама прикрываетъ ихъ и безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одного дня. Вотъ и тутъ онъ думаетъ, что обозы должны слѣдовать непосредственно при войскахъ, а уже самое дальнѣйшее въ одномъ маршѣ, забывая, что въ европейской войнѣ обозы совершенно обременяютъ дѣйствіе арміи, ибо вездѣ на самыхъ мѣстахъ прохода войскъ, можно найти столько, чтобы безъ нужды про-

кормить армію сутки и болѣе, лишь бы солдаты имѣли сухари въ ранцы, потому что мясо, картофель и разныя огородныя овощи, вездѣ можно найти, особенно за деньги, которыми фельдмаршалъ сорилъ неимовернымъ образомъ, давая ихъ полковымъ командирамъ для закупки картофеля, который рѣдко кто покупалъ.

Наконецъ на 15 число назначено общее движеніе арміи.

Предъ выступленіемъ получается донесеніе генер. маіора Герштенцвейга, что 14 числа онъ прибудетъ въ Осекъ. Рѣшено дожидаться его. Часъ спустя, прибываетъ другой рапортъ, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ онъ только 13-го числа прибылъ въ Шренскъ. Это будетъ объяснено ниже. 16-го числа генералъ м. Герштенцвейгъ прибылъ съ отрядомъ своимъ въ Осекъ, гдѣ по усиленной просьбѣ моей, ему былъ данъ, послѣ непрерывныхъ форсированныхъ маршей, отъ самой Ломжи до пункта переправы, одинъ день отдыху. Фельдмаршалу хотѣлось непремѣнно имѣть его при арміи, хотя на 60 верстъ не было видно ни одной непріятельской души. Здѣсь нельзя умолчать о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ касающихся сего отряда. Фельдмаршалу, съ самаго начала прибытія его къ арміи, не нравилось, что г. м. Герштенцвейгъ съ 5,000 оставленъ въ Ломжѣ. Ему хотѣлось имѣть этотъ отрядъ тоже при

главной арміи, забывая, что Ломжа вполне стратегическій пунктъ, владѣніемъ котораго все Августовское воеводство содержится въ повиновеніи, обезпечиваются все наши сообщенія съ Россіею а подвозы получаютъ свои прикрытія; само Гродно закрыто нѣкоторымъ образомъ положеніемъ этого пункта. Фельдмаршалъ проѣзжая чрезъ этотъ городъ, и усматривая все его достоинство, приказалъ представить себѣ планъ и собственноручно примѣрно начерталъ на немъ оборонительныя линіи; такъ что по его проекту для обороны его достаточно было и 5,000 гарнизона. Онъ находилъ, что артиллеріи было мало и хотѣлъ чтобы на колокольнѣ одной церкви устроена была батарея, чего однако никакъ нельзя было исполнить. На маршѣ нашемъ къ Плоцку онъ неоднократно говорилъ: «Хорошо бы присоединить Герштенцвейга къ намъ. Un jour de bataille il faut réunir tout ce qu'on peut», — «Такъ», отвѣчалъ я, «но вспомните, что Герштенцвейгъ по вашему же приказанію занимается укрѣпленіемъ Ломжи, что дѣла Гелгуда въ Самогитіи еще не окончены, и кто отвѣчаетъ, чтобы онъ опять не бросился бы назадъ чрезъ Августовское воеводство; въ этомъ случаѣ Герштенцвейгъ можетъ не только преградить ему обратный путь, но и разбить его окончательно». На это фельдмаршалъ ничего не отвѣчалъ. Наконецъ, когда, какъ выше

сказано, мы пошли отъ Плоцка къ Липно, и слабый непріятель, но въ глазахъ фельдмаршала вся армія мятежниковъ, послѣдовалъ за нами, онъ предписалъ генер. м. Герштенцвейгу, непремѣнно сдѣлать диверсію чрезъ Остроленку и Прзаснынь къ Плоцку. Я возразилъ на это, что не лучше ли исполнить это движеніе въ тылъ непріятеля, чрезъ Маковъ и Плонскъ, ибо тогда Герштенцвейгъ будетъ базировалъ на Остроленкѣ. «Хорошо», отвѣчалъ фельдмаршалъ, «лишь бы онъ подвинулся впередъ». Вслѣдствіе этого Герштенцвейгъ 10-го числа подошелъ съ авангардомъ своимъ къ Плонску. Прошло нѣсколько дней, что мы не получали рапортовъ отъ него, а между тѣмъ мы уже на лѣвомъ берегу Вислы. Новый поводъ фельдмаршалу для безпокойствъ. «Онъ, конечно, пропалъ, безразсудно вдаваясь въ сраженіе и его также разбили, какъ Головина». Я отвѣчалъ: «Пока онъ въ Плонскѣ, онъ имѣетъ свободное отступленіе, и зная Герштенцвейга, я увѣренъ, что онъ не завяжетъ невыгоднаго боя». Надобно еще упомянуть, что, когда пришло донесеніе гр. Витта, что непріятель 5-го числа началъ свое отступленіе отъ Плоцка къ Модлину, фельдмаршалъ приказалъ немедленно написать къ генер. м. Герштенцвейгу, чтобы онъ не шелъ на Плонскъ, а прямо къ арміи, для соединенія съ нею. Въ это самое время мы узнали чрезъ Пруссію, что

и дѣла Гелгуда окончены. Не менѣе того я сказалъ фельдмаршалу: «Мы такъ далеки отъ Герштенцвейга, что подвергаемъ его видимой опасности; на этомъ маршѣ его можетъ атаковать непріятель въ превосходныхъ силахъ изъ Модлина, и, потерявъ сообщенія съ Остроленкою, мы рискуемъ лишиться этого отряда. Не лучше ли будетъ ожидать Герштенцвейгу приближенія корпуса генер. Крейца, который не замедлитъ теперь присоединиться къ арміи, и тогда Герштенцвейгъ составитъ его авангардъ». — «Это долго дожидаться,» отвѣчалъ фельдмаршалъ, — «Герштенцвейгъ дойдетъ до насъ благополучно».

Не получая, какъ сказано выше, нѣсколько дней рапортовъ отъ Герштенцвейга, фельдмаршалъ былъ въ крайнемъ безпокойствѣ, намекая, будто бы я и генераль-квартирмейстеръ будемъ виновны, если съ нимъ что случится. Тутъ невольнымъ образомъ я сдѣлалъ свои заключенія, что бѣда съ этимъ человѣкомъ, онъ, пожалуй, еще свернетъ все на меня, когда я ни въ чемъ не виноватъ, и для того я рѣшился впредь все немного сомнительныя бумаги подносить къ его подписи, особенно тѣ, которыя были не согласны моими мнѣніями. Дѣйствительно, какъ я предчувствовалъ, такъ и случилось. Мятежники, въ числѣ 18 батал. и 6 полковъ кавалеріи, при 20 орудіяхъ, атаковали Герштенцвейга при Ра-

ціонжѣ. Благодаря Богу, присутствію духа и рѣшимости авангарднаго начальника, генер. м. Штрандмана (*), непріятель былъ такъ уstraшенъ смѣлымъ дѣйствіемъ этого генерала, что отступилъ съ урономъ и далъ генер. Герштенцвейгу свободно соединиться съ главною армією.

15-го іюля, Брестъ-Куявскій.

Главныя силы арміи и главная квартира порѣшили къ Бресту-Куявскому. Фельдмаршалъ въ большомъ восхищеніи, что все идетъ по его желанію. Главное и пріятнѣйшее впечатлѣніе производятъ рапорты графа Витта, что верстъ на 70 и болѣе, непріятель нигдѣ не открытъ. Но все-таки, допросы плѣнныхъ, и перехваченныхъ казаками разныхъ лицъ, наводятъ иногда на него задумчивость, и тогда, опасаясь быть атакованнымъ онъ говоритъ смотря на карту: «Voilà une bonne position, voilà une meilleure».

Какъ при ежедневныхъ совѣщаніяхъ я весьма рѣдко могъ соглашаться съ видами и предположеніями фельдмаршала, такъ какъ упрямство и самолюбіе не позволяли ему вникнуть въ мои предложенія, то я рѣшился написать мнѣ-

(*) Штрандманъ былъ зять Толя.

ніе мое на счетъ дальнѣйшихъ операцій арміи отъ пункта переправы до Варшавы. Предполагая, что разсматривая это мнѣніе, фельдмаршалъ отложить на время свое самолюбіе и станетъ разбирать его безпристрастно, я представилъ ему таковое вчерашняго числа въ Пешавѣ, прося его покорнѣйше благоволить прочесть его на досугѣ. Въ то же время, съ отъѣзжающимъ курьеромъ, я послалъ таковой же экземпляръ графу Алексѣю Федоровичу Орлову, для представленія Государю Императору, оговоривъ при томъ, что мнѣніе это представлено мною и на благоусмотрѣніе генераль-фельдмаршала. (См. въ концѣ сего журнала).

16-го іюля, Коваль.

Сегодня главная квартира перешла въ Коваль. Когда послѣ перехода я вошелъ къ фельдмаршалу въ комнату, онъ вдругъ сказалъ мнѣ, что онъ совершенно проникъ въ планъ операцій Скржинецкаго. Любопытствуя знать, какъ онъ его понимаетъ, я просилъ поясненія. «Вотъ», говоритъ фельдмаршалъ самымъ опредѣлительнымъ тономъ, «Скржинецкій намѣренъ сразиться съ нами въ Сохачевѣ. Если же онъ не приметъ сраженія, то, оставя 40,000 въ Варшавѣ, для защиты города вмѣстѣ съ жителями, со всѣ-

ми прочими силами пойдетъ дѣйствовать на нашу тыль и фланги». «Тѣмъ лучше», сказалъ я — «мы его легче разобьемъ, потому что онъ раздѣлитъ свои силы, оставя столь значительную часть въ Варшавѣ. Намъ надобно всеми мѣрами стараться сперва разбить мятежниковъ въ полѣ, если только случай къ тому представится, но я опасаюсь», продолжалъ я, «что Скржинецкій не сдѣлаетъ этой ошибки, а ограничится защитою Варшавы, которою мы должны непременно овладѣть, какъ единственную цѣлю всехъ нашихъ усилій». — «А городъ» сказалъ фельдмаршалъ, «я читалъ вашъ мѣмоире — въ немъ много хорошаго», — одно онъ одобрилъ, съ другимъ не соглашался; словомъ сказать, ничего опредѣлительнаго сказать не хотѣлъ. Наконецъ онъ сталъ говорить о Варшавѣ, что онъ намѣренъ выморить ее голодомъ. Я доказывалъ невозможность этого и необходимость взять ее открытою силою и сжечь — единственное средство покорить этотъ городъ. «Этого никакъ нельзя исполнить», отвѣчалъ фельдмаршалъ, «и потому я стану въ Блоне и пресѣку все подвозы». — «Въ такомъ случаѣ,» сказалъ я, «я не предвижу въ этомъ году конца кампаніи».

Фельдмаршалъ говоритъ со всеми о стратегическомъ значеніи Блоне, которое онъ намѣренъ сильно укрѣпить, пресѣчь все подвозы и тѣмъ принудить городъ къ сдачѣ. Всякій

день рассчитываетъ онъ могущее быть въ Варшавѣ продовольствіе и утѣшается тѣмъ, что плѣнные и переметчики говорятъ, что у нихъ имѣется таковое на 8, а много на 10 дней; съ другой же стороны, онъ забываетъ, что Плоцкое и Подляское воеводства совершенно открыты для мятежниковъ.

17-го іюля, Гостынинъ.

Главная квартира перешла въ Гостынинъ. Диспозиція къ движенію была долго оспариваема *et pour et contre*; наконецъ опредѣлено, чтобы армія двинулась между Гомбиномъ и Жыхлиномъ, имѣя болотистую рѣчку на своемъ правомъ флангѣ. Первоначально предположено было идти по обѣимъ сторонамъ этой рѣчки, но, когда я сдѣлалъ замѣчаніе, что здѣсь только двѣ коммуникаціи, и къ тому на довольно большомъ разстояніи одна отъ другой, то фельд-маршалъ думалъ сдѣлать нѣсколько мостовъ и гребль,—тогда я сказалъ: «Вѣдь мы здѣсь не остановимся, слѣдовательно всѣ труды будутъ напрасны, и саперы не успѣютъ сдѣлать этихъ мостовъ и гребль»; послѣ чего, какъ казалось, онъ согласился идти со всею арміею по одной дорогѣ, но, согласившись, не сказалъ мнѣ о томъ, а приказалъ, по уходѣ моемъ, внести это

опредѣленіе въ диспозицію, какъ будто бы это была его мысль. Когда диспозиція была написана и разослана, то не знаю, вслѣдствіе ли чьего внушенія, или полученнаго извѣстія, вдругъ призываетъ онъ въ 2 часа ночи генераль-квартирмейстера. Опасеніе, что непріятель можетъ всѣми силами встрѣтить насъ при выходѣ изъ лѣснаго дефиле при селеніи Рески, что на дорогѣ изъ Гостынина въ Гомбинъ, такъ встревожило фельдмаршала, что онъ приказалъ сдѣлать большія перемѣны въ диспозиціи и усилить всѣмъ гренадерскимъ корпусомъ колонну I корпуса, слѣдовавшую по упомянутой дорогѣ, и не взирая на всѣ представленія генераль-квартирмейстера, — что казачій полкъ Борисова, находящійся въ Осмолинѣ, закрываетъ все пространство отъ Вислы до мѣстечка Керпозин, и что, если бы непріятель показался хотя въ самыхъ незначительныхъ силахъ, мы бы уже могли имѣть извѣстія, фельдмаршалъ съ негодованіемъ возразилъ: «Да кто вамъ отвѣчаетъ; можетъ быть, Борисовъ со всѣмъ полкомъ схваченъ и мы ничего о томъ не знаемъ. — Нѣтъ, непременно перемѣнить это». Разумѣется, тутъ нечего было долѣе доказывать, а только исполнить.

18-го іюля, Гомбинь.

Сегодня я прїѣхалъ въ Гомбинь однимъ изъ первыхъ, даже прежде авангарда, а вскорѣ послѣ меня прибылъ и самъ фельдмаршалъ. Здѣсь опредѣлено было дать войскамъ дневку. Спустя нѣкоторое время, вошелъ къ фельдмаршалу графъ Паленъ, войска котораго проходили чрезъ мѣстечко. Рѣчь зашла о непріятелѣ и, къ моему полному удовольствію, графъ Паленъ говорилъ о польскихъ войскахъ совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ неоднократно говорилъ и я; т. е. что непріятель, чувствуя свою слабость, безъ сомнѣнія, не встрѣтитъ насъ прежде, какъ подъ Варшавою; что кавалерія его въ самомъ жалкомъ положеніи, часть пѣхоты вооружена пиками и косами, артиллерія имѣетъ худую упряжь и ощущаетъ недостатокъ въ артиллеристахъ. Я со вниманіемъ смотрѣлъ на фельдмаршала и думалъ, такъ какъ я не успѣваю убѣдить его, авось либо это удастся Палену. Но нѣтъ, фельдмаршалъ, хотя не возражалъ явно, но сказалъ «надобно быть осторожнымъ, у насъ хлѣба только на 11 дней, я долженъ ожидать подвоза еще на 5 дней, и потому ранѣе 5 дней не могу перейти въ Ловичъ». При этомъ я долженъ замѣтить, что отъ Гомбина до Ловича не болѣе

какъ полтора марша, и что послѣднимъ пунктомъ необходимо было овладѣть какъ можно скорѣе, дабы непріятель не успѣлъ бы усиливаться въ немъ и истребить мосты на Бзурѣ. Это замѣчаніе я представилъ на усмотрѣніе фельдмаршала, но онъ остался при томъ, что долженъ прежде выждать 5 дневнаго подвоза. Затѣмъ графъ Паленъ продолжалъ, что ему кажется необходимымъ, болѣе и сколь можно далѣе открывать (*éclaircir*) правый флангъ арміи. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сказать графу Палену въ присутствіи фельдмаршала, что я для того пришелъ, чтобы просить приказанія генер. м. Герштенцвейгу, направиться со всѣмъ отрядомъ изъ Бреста-Куявскаго прямо чрезъ Клодаву на Кутно. «Нѣтъ», сказалъ фельдмаршалъ, «одну кавалерію согласенъ, ибо нѣхота нужна чтобы прикрыть транспорты наши, слѣдующіе къ арміи отъ переправы». Всякій усмотритъ, что это повсе не было нужно, ибо коль скоро посылаютъ Герштенцвейга чрезъ Клодаву на Кутно, то дорога изъ Бреста-Куявскаго на Гостынинъ довольно закрыта. Но опасеніе, что непріятель сильными партіями захватить и разстроить наши транспорты, не выходитъ изъ головы фельдмаршала; объ этомъ нѣсколько разъ говорилъ онъ вчера и дежурному генералу, присовокупляя «тогда все пропало». Видя въ немъ эту слабую сторону, я

хотѣлъ убѣдить его, для отвращенія этой опасности, составить отряды, которые высылались бы сколько можно далѣе, и дѣйствовали бы въ сторонѣ и даже тылу нашей операціонной линіи, тѣмъ болѣе что, имѣя многочисленную кавалерію, продовольствовать которую при арміи чрезвычайно обременительно, мы, отдѣляя ее на подобныя посылки, не только обезпечимъ совершенно слѣдованіе нашихъ транспортовъ, но и уничтожимъ всякое вооруженіе въ краю. Нѣтъ, фельдмаршалу все кажется, что слишкомъ опасно посылать таковыя партіи.

Въ продолженіи болѣе двухъ мѣсяцовъ, въ величайшей тайнѣ дѣлаются приготовленія, какъ къ переправѣ чрезъ Вислу, такъ и къ заготовленію болѣе чѣмъ на 10 милліоновъ рублей продовольствія въ Торнѣ, Страсбургѣ и другихъ пограничныхъ мѣстахъ Пруссіи,—пріѣзжаетъ фельдмаршалъ, чтобы воспользоваться всѣмъ этимъ. Скржинецкій, по глупости своей, не дѣлаетъ ему ни малѣйшей преграды при переходѣ чрезъ Вислу, и переправа, которая могла быть совершена 1-го іюля, совершается фельдмаршаломъ 8 днями позже, и даже послѣ этого замедленія онъ не встрѣчаетъ на противномъ берегу ни одного непріятели.

Прибывъ въ Гомбинъ, фельдмаршалъ захотѣлъ ѣхать въ авангардъ гр. Витта. Но при ходъ къ нему гр. Палена и вышеприведенный

разговоръ, задержали его до 1-го часа; послѣ чего онъ отправился туда единственно изъ недоувѣрчивости, будетъ ли все готово къ встрѣчѣ непріятеля. Прибывъ въ Осмолишъ, онъ нашелъ гр. Витта въ боевомъ порядкѣ, людей въ ружьѣ и на коняхъ. Объ этомъ предварительно приказано было фельдмаршаломъ, изъ опасенія, что непріятель можетъ атаковать насъ, тогда какъ онъ, боясь насъ, со всѣми постами своими отступилъ за Бзуру, сорвавъ всѣ мосты на ней, о чемъ у насъ были предварительныя и повторительныя извѣстія. Такимъ образомъ, онъ безъ всякой надобности изнуряетъ войска, которыя, прибывъ на позицію и имѣя передъ собою въ нѣсколькихъ верстахъ казачьи посты, должны были 4 часа стоять въ готовности къ бою.

Рано по утру, прійдя съ докладомъ по дѣламъ, я воспользовался случаемъ, чтобы доложить фельдмаршалу о слѣдующемъ: «Ваше сіятельство изволили мнѣ вчера говорить, что у насъ будетъ съ собою продовольствія по 27 число; генераль же интендантъ увѣрялъ меня, что армія обезпечена по 10 августа. Спрашивается, обезпечена ли она въ своемъ лагерѣ по 10 августа, ибо подвозные способы у насъ очень скудны, и я, приказавъ сдѣлать дежурному генералу расчетъ, увидѣлъ, что, подойдя къ Варшавѣ, мы будемъ находиться въ

12-ти маршахъ отъ пункта главныхъ складовъ нашихъ, такъ что я сомнѣваюсь, чтобы генералъ-интендантъ имѣлъ бы способы къ своевременному доставленію продовольствія къ арміи». — «Это правда», отвѣчалъ фельдмаршалъ, «способы подвозовъ скудны, но, придя въ Ловичъ, мы устроимъ ихъ изъ края, а если будетъ недоставать, то я, пожалуй, отойду назадъ, хотябы къ Ковалю, и даже далѣе, ибо армія съ голоду не должна умереть». Услышавъ это, меня какъ бы обдали водою. Какъ? думалъ я, мы пришли сюда для того, чтобы съѣсть нашъ хлѣбъ, который привезли за собою, и потомъ опять идти назадъ? Послѣ этого, я ничего болѣе не могъ сказать, какъ: «Надобно взять Варшаву». — «Нѣтъ», отвѣчалъ фельдмаршалъ, «съ 40,000 пѣхоты никто не возьметъ Варшавы».

19-го іюля, Гомбиль.

Сегодня, въ присутствіи гр. Витта, зашла рѣчь о переправѣ при Ловичѣ, и что совершая ее, мы, безъ сомнѣнія, встрѣтимъ сильное сопротивленіе. Судя по войскамъ мятежниковъ, тамъ находящимся, я и гр. Виттъ были противнаго мнѣнія, и полагали, что если поставить 50 орудій, то непріятель не посмѣетъ намъ помѣшать построить мосты. «А propos», сказалъ фельд-

маршалъ, «надобно приказать генер. м. Дену изготавить нѣсколько тысячъ фашии и туровъ, чтобы, подойдя къ берегу Бзуры, тотчасъ построить батарею и тѣмъ закрыть артиллеристовъ». Посмотрѣвъ на карту, чтобы отклонить отъ такой странной мысли, (ибо здѣсь дѣло шло о постройкѣ моста, подъ прикрытіемъ открытыхъ батарей, могущихъ передвигаться съ одного мѣста на другое и усиливать одна другую; потому что форсировать переправу принадлежитъ къ дѣйствіямъ наступательнымъ, не дающимъ время заранѣе строить батареи изъ туровъ и фашии), я сказалъ: «Ваше сіятельство, судя по картѣ, тутъ нѣтъ дѣсу, чтобы подѣлать туры и фашины»; тогда фельдмаршалъ, обратясь къ гр. Витту, сказалъ: «Какъ кавалеріи тутъ будетъ мало дѣла, то пусть она нарубитъ ивняка и другаго хворосту и подвезетъ его на строевыхъ лошадяхъ къ переправѣ». Гр. Виттъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и сказалъ: «Вѣдь надобно будетъ и кольевъ, много ли тогда можно подвезти на строевыхъ лошадяхъ?» — «Ничего, подвезутъ сколько могутъ», отвѣчалъ фельдмаршалъ, «у меня въ Персін бывали подобные случаи». Къ счастью, не встрѣтилась надобность въ постройкѣ батарей, ибо непріятель въ этотъ же день, безъ всякой причины, оставилъ Ловичъ и отступилъ къ Болимову и далѣе къ Сохачеву на присоединенію

къ главнымъ силамъ своимъ; а генер. лейт. Муравьевъ, того же дня, занялъ его безъ всякаго сопротивленія.

20-го июля.

Главная квартира перешла въ Кернозію. Съ прибытіемъ въ это мѣстечко, получено отъ гр. Витта допосеніе, что генер. лейт. Муравьевъ занялъ Ловичъ, и выдвинулъ авангардъ свой въ Аркадію, чѣмъ фельдмаршалъ былъ весьма недоволенъ, полагая, что авангардъ этотъ подверженъ опасности. Часъ спустя послѣ прибытія въ Кернозію, фельдмаршалъ объявилъ мнѣ, что онъ ѣдетъ въ авангардъ и спросилъ меня, желаю ли я отправиться съ нимъ, потому что я въ этотъ день былъ не совсѣмъ здоровъ. Позавтракавъ, мы сѣли на мои дрожки, и въ веселомъ настроеніи духа, шутя на счетъ графа Петра Александровича Толстаго (*) и его знаменитыхъ военныхъ дѣйствій, мы продолжали ѣхать, какъ вдругъ фельдмаршалъ увидѣлъ, ѣдущаго чрезъ поле адъютанта гр. Палена, Васильчикова. «Это Васильчиковъ», воскликнулъ фельдмаршалъ, «онъ отъ Палена,

(*) Онъ командовалъ тогда резервною арміею въ Литвѣ.

что? что такое? не случилось ли чего?» спрашиваетъ фельдмаршалъ. — «Ничего, ваше сіятельство», отвѣчаетъ Васильчиковъ самымъ спокойнымъ образомъ, «вотъ записка отъ гр. Палена». Фельдмаршалъ прочитавъ вскользь эту записку, совершенно перепугавшись говорить. «Вотъ бѣда, онъ завяжетъ дѣло. Скажите гр. Палену, чтобы онъ не занималъ Рыбно своимъ авангардомъ, и если непріятель будетъ сильно напирать, чтобы онъ отступалъ на насъ». На это Васильчиковъ отвѣчалъ: «Рыбно уже занято авангардомъ». — «Скажите чтобы только не связывалъ дѣло; извольте ѣхать». Между тѣмъ, передавъ мнѣ записку, фельдмаршалъ задумался. Веселый разговоръ смѣнился глубокимъ молчаніемъ. Прочитавъ спокойно записку, я взялъ карту и увидѣлъ, что все дѣло заключается въ перестрѣлкѣ съ казаками верстахъ въ 3-хъ отъ авангарда гр. Палена, бывшаго подъ начальствомъ г. м. Лидерса, и что мятежники, чтобы поддержать свою кавалерію, выдвинули два баталіона пѣхоты, прибывшіе изъ деревни Конты. Все это я показалъ фельдмаршалу, чтобы успокоить его, объяснивъ при этомъ, что дѣло завязалось только съ казачьими постами и заключается въ одной перестрѣлкѣ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли войска наши подошли къ Бзурѣ. «Хорошо бы», продолжалъ я, «чтобы отучить ихъ отъ подоб-

ныхъ рекогносцировокъ, приказать гр. Палену атаковать ихъ и прогнать за Бзуру, тѣмъ болѣе, что, истребивъ мостъ при Сохачевѣ, мятежники могутъ быть приведены въ затруднительное положеніе, особенно пѣхота, которая только и можетъ отступить по весьма худому броду, имѣющемуся при семь городѣхъ. Наконецъ мы доѣхали до авангарда гр. Витта, расположеннаго по другому направленію. и который, будучи въ связи съ гр. Паленомъ, имѣлъ уже извѣстіе, что непріятель, показавшійся противъ казаковъ гр. Палена, остановился. Тутъ тысяча предположеній возникли въ головѣ фельдмаршала; то думалъ онъ, что мятежники всѣми силами атакуютъ насъ ночью, то полагалъ что они пойдутъ правымъ берегомъ Бзуры на Ловичъ, который, какъ выше сказано, былъ уже занятъ отрядомъ г. л. Муравьева, и который фельдмаршалъ готовъ былъ опять приказать покинуть; наконецъ, на все мои возраженія и повторенія, что они никогда не посмѣютъ атаковать насъ значительными силами, фельдмаршалъ рѣшился лично отправиться въ авангардъ гр. Палена, прося меня остаться при отрядѣ гр. Витта, котораго пригласилъ ѣхать съ собою. Дорогою онъ получилъ извѣстіе, что непріятель противъ гр. Палена отступилъ. Послѣ этого фельдмаршалъ очень повеселѣлъ, но прибывъ къ гр. Палену, узналъ,

что непріятель, хотя отступилъ, но съ частью пѣхоты и кавалеріи остался на лѣвомъ берегу Бзуры. Опять призадумался нашъ фельдмаршалъ, опять новыя предположенія, и изъ авангарда гр. Витта приказано прислать бригаду кирасиръ въ подкрѣпленіе гр. Палену.

Въ этой безпрестанной тревогѣ, фельдмаршалъ съ большимъ своимъ конвоемъ почти все время былъ на конѣ, войска постоянно въ ожиданіи похода, кавалерія почти всегда осѣдлана. Люди незнаютъ варить ли кашу или пѣтъ? Словомъ сказать, все въ ожиданіи, безъ дѣла, и такимъ образомъ войска изнуряются, а главный штабъ запускаетъ дѣла,—и отъ чего все это происходитъ? изъ пустаго и безпрестаннаго опасенія, будто бы непріятель вездѣ атакуетъ насъ (*). Фельдмаршалъ возвратился въ 2 часа ночи.

Съ самаго начала прибытія фельдмаршала къ арміи, я всѣми мѣрами старался вселить ему мысль, что мы повсюду должны атаковать непріятеля, дабы тѣмъ держать его въ страхѣ, ибо въ противномъ случаѣ мы будемъ всегда *au qui vive*; что подобныя трусливыя дѣйствія

(*) При этомъ случаѣ фельдмаршалъ имѣлъ основаніе опасаться нападенія непріятеля и соблюдать осторожность: польская армія дѣйствительно выступила изъ Варшавы съ намѣреніемъ дать сраженіе русскимъ на Бзурѣ; до этого не дошло только по первѣности Скржинецкаго.

наши будутъ имѣть дурныя послѣдствія на духъ нашихъ солдатъ и ободрять мятежниковъ; и что наконецъ, армія паша, вслѣдствіе безпрестанныхъ тревогъ придетъ въ совершенное изнуреніе. На это онъ мнѣ отвѣчалъ: «Нужно быть осторожнымъ».

21-го іюля.

Въ 4 часа пополудни, мы все были готовы къ выступленію, но сѣли на коней не ранѣе 11 часовъ, въ самый жаръ. Причиною этого было безирестанное ожиданіе донесенія изъ авангарда гр. Палена, не атакуетъ ли насъ непріятель. Наконецъ приходитъ извѣстіе, что тамъ все благополучно. Мы садимся на лошадей, чтобы ѣхать чрезъ Компинъ въ Ловичъ, осмотрѣть мѣстоположеніе и опредѣлить укрѣпленія его. Я такъ изнурился и ослабѣлъ отъ сильнаго зноя, что съ трудомъ достигъ Ловича, и далѣе уже не могъ ѣхать. Я позвалъ доктора Шлегеля, который прописалъ мнѣ спиртные втиранія. Между тѣмъ фельдмаршалъ осматривалъ мѣстоположеніе, но по пересѣченности его ничего опредѣлить не могъ, и рѣшился ѣхать въ авангардъ, чтобы отобѣдать у гр. Витта, расположившагося съ авангардомъ, пройдя Ловичъ, между городомъ и селеніемъ Аркадіею,

имѣя въ послѣднемъ полкъ пѣхоты съ частью кавалеріи, а казаковъ въ Неборовѣ. Во время отсутствія фельдмаршала, я приказалъ ген. м. Дену тотчасъ приступить къ подробному снятію мѣстоположенія окрестностей и самаго города Ловича и составить проектъ укрѣпленія его.

Въ 9 часовъ пополудни фельдмаршалъ возвратился домой. Опять потерянный день для занятій главнаго штаба, — всѣ устали и никто не въ состояніи что нибудь дѣлать. Къ этому времени прислали изъ авангарда гр. Палена, расположеннаго противъ Сохачева, нѣмецкаго колониста, показывающаго, будто Скржинецкій со всею арміею подошелъ къ Сохачеву со стороны Блоне. Новая бѣда! диспозиція, уже вполне готовая, подвергается совершенному измѣненію, безпокойствъ тѣмъ, адъютанты рассылаются во всѣ стороны, меня зовутъ къ фельдмаршалу; я нахожу его въ смятеніи. «Что дѣлать, графъ Карлъ Ѳедоровичъ? выслушайте этого человѣка, я уже его разспрашивалъ». — «По моему мнѣнію, ничего не надобно перемѣнять, а исполнить данную вашимъ сіятельствомъ диспозицію; ибо непріятель никогда не посмѣетъ атаковать насъ. Намъ надобно, перейдя Бзуру при Ловичѣ, воспользоваться соединеніемъ его силъ при Сохачевѣ, и быстро двинуться изъ Ловича въ направленіи между Блоне и Сохачевымъ, чтобы, отрѣзавъ ему со-

общеніе съ Варшавою, отбросить его къ Ви-
слѣ. Намъ необходимо всѣми мѣрами стараться
разбить его въ полѣ, прежде отступленія его
къ Варшавѣ, которая тогда сдастся безъ вы-
стрѣла». — «Какъ, да онъ насъ атакуетъ», от-
вѣчаетъ фельдмаршалъ, «мы недовольно соеди-
нены. Арміи нужно соединиться на шоссе въ
4-хъ верстахъ отсюда по Сохачевской дорогѣ,
въ противномъ случаѣ, непріятель можетъ отъ
насъ отрѣзать графа Палена. Намъ надобно стать
правымъ флангомъ къ Бзурѣ и ожидать насту-
пленія непріятеля въ *крѣпкой позиціи*». Во
время нашихъ разговоровъ нелегкая дернула
нѣмца сказать, что ему говорили польскіе сол-
даты, съ которыми онъ шелъ на походъ, что
они въ эту ночь всѣми силами нападутъ на
насъ. «Vous voyez, c'est sûr qu'ils nous attaque-
ront des deux côtés de la Bzoura; il faut être prêt,
pour faire face partout». Тутъ я потерялъ всякое
терпѣніе и сказалъ: «Не въ томъ дѣло, чтобы
они насъ атакovali, я честью отвѣчаю, что
этому небывать и нечего опасаться; а горестно
видѣть то, что вы приняли оборонительную си-
стему и хотите только защищаться, и никогда
не рѣшаетесь атаковать непріятеля. Позже вы
увидите пагубныя послѣдствія этой системы.
Вы предполагаете ожидать при Ловичѣ прибы-
тія корпуса Крейца. Для разбитія Скржинец-
каго въ полѣ, мы и безъ Крейца довольно

сильны, къ тому же онъ прежде 4-хъ недѣль прибыть не можетъ. Въ этомъ оборонительномъ положеніи, непріятель, видя что мы его боимся, не дастъ вамъ покою. Вы все время будете стоять подъ ружьемъ, ибо непріятель пустыми демонстраціями, подобными бывшей третьяго дня противъ гр. Палена, будетъ васъ беспокоить день и ночь, такъ что кавалерія паша прежде времени будетъ безъ ногъ». На это онъ отвѣчалъ мнѣ довольно покойнымъ тономъ: «Послушайте графъ, повѣрьте, что и я умѣю командовать арміею»; потомъ возвысивъ голосъ, «Азія трепетала передо мною, и Европа ожидаетъ нынѣ своей участи отъ моихъ успѣховъ» (*). Я на это сказалъ: «Отчасти я раздѣляю съ вами эту мысль, и чтобы достигнуть благополучнаго конца войны, надобно пользоваться всѣми случаями, чтобы на голову разбить непріятели, и какъ можно скорѣе». При этомъ надобно замѣтить, что фельдмаршалъ ни о чемъ столько не заботился, какъ о безостановочномъ продовольствіи людей. Правило это, хотя весьма похвальное, должно имѣть и свои границы, которыя не всегда были соблюдае-

(*) Сказано высокопарно, но нужно вспомнить, что въ Польшѣ отставивалась борьба революція съ консерватизмомъ, и что Европа весьма основательно, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за этою борьбою.

мы; ибо, имѣя 4-хъ дневный провіантъ на людяхъ, можно было всегда предпринять трехъ дневную экспедицію, особенно если она имѣла цѣлью разбитіе непріятеля; но фельдмаршалъ не рѣшался на это, опасаясь остаться безъ хлѣба, и потому упускалъ самые удобные случаи. Что же касается лошадей, то ему все равно, имѣютъ ли онѣ фуражъ или нѣтъ, тѣмъ болѣе, что мы теперь въ іюлѣ мѣсяцѣ, гдѣ кавалерія находила свое продовольствіе на поляхъ.

Главный недостатокъ фельдмаршала, относительно сбереженія людей и вообще арміи, состоитъ въ томъ, что онъ не принимаетъ въ расчетъ ни человѣческія силы, ни время, ни разстоянія, и поэтому, заставить сдѣлать лишній маршъ, оставить людей подъ ружьемъ, а лошадей осѣдлыми, хотя бы цѣлый день, для него ничего не значить.

Едва успѣвъ я придти домой и раздѣться, чтобы лечь спать, какъ входитъ ко мнѣ фельдмаршалъ, чтобы еще толковать о намѣреніи непріятеля атаковать насъ ночью. Я уже молчалъ, чтобы показать ему нелѣпость его опасеній, ибо непріятель находился верстахъ въ 15 отъ казачьихъ передовыхъ постовъ и долженъ былъ переходить мостъ — для чего? чтобы атаковать насъ, имѣя рѣку за собою. Всѣ эти невыгоды для непріятеля фельдмаршалъ никакъ не мо-

жетъ постигнуть. Миѣ извѣстно, что въ эту ночь онъ спалъ въ мундирѣ и нѣсколько разъ спрашивалъ камердинера своего, не пріѣзжалъ ли кто съ рапортами?

22-го іюля.

Въ 2 часа пополудни сѣли мы на лошадей и фельдмаршалъ поѣхалъ въ гренадерскій корпусъ. Всѣмъ обозамъ главной квартиры приказано, послѣдно отступать изъ Ловича по шоссе и остановиться за мостомъ безымянной болотистой рѣчки, верстахъ въ 10-ти отъ Ловича. Войска всю ночь передвигались въ новую позицію, которую, согласно данной диспозиціи, и заняли къ разсвѣту. Прибывъ въ гренадерскій корпусъ, расположенный на шоссе, правымъ флангомъ къ Бзурѣ, узнали мы отъ возвратившихся патрулей, что мятежники занимаютъ постами своими прежнее положеніе на лѣвомъ берегу Бзуры, верстахъ въ 4-хъ отъ Сохачева, по дорогамъ къ Гомбину и къ Ловичу. Не довольствуясь этимъ, я попросилъ позволенія фельдмаршала ѣхать къ крайнимъ передовымъ постамъ нашимъ, чтобы собственными глазами удостовѣриться въ положеніи непріятеля. Онъ согласился на это. Доѣхавъ до передовыхъ постовъ я узналъ, что непріятель отступилъ къ

самой переправѣ и имѣлъ на лѣвомъ берегу Бзуры только слабые посты изъ кавалеріи и весьма малой части пѣхоты, которая переходила по перекладинамъ разобращаго моста, то на эту, то на ту сторону.

Все это доказываетъ, что непріятель не имѣлъ никакого намѣренія атаковать насъ съ этой стороны, а судя по разобращающему мосту, можно было заключить, что онъ самъ опасался нечаяннаго нападенія нашего. Я сѣлъ въ ѣхавшія за мною дрожки, чтобы поспѣшить къ фельдмаршалу и доложить обо всемъ, ибо отъ передовыхъ постовъ нашихъ до Ловича, было болѣе 20 верстъ.

Послѣ неоднократныхъ подобныхъ случаевъ, казалось, что мои представленія и доводы заслуживали вниманія; но итъ, вмѣсто того чтобы признаться въ томъ, что я правъ, онъ только успокоивался душевно.

23-го іюля.

Я, вмѣстѣ съ генераль-квартирмейстеромъ, неоднократно старался представить фельдмаршалу необходимость дѣйствовать наступательно, безъ чего, непріятель, пользуясь бездѣйствіемъ, въ которомъ мы находимся съ 19 числа, приметъ мѣры чтобы тревожить насъ, и мы будемъ без-

престанно стоять въ ружьѣ, чѣмъ совершенно изнуримъ войска, особенно кавалерію и артиллерію, которыя съ нѣкотораго времени начинаютъ замѣтно ослабѣвать.

24-го іюля.

Обстоятельства опять оправдали наши предположенія. Мятежники съ сильнымъ отрядомъ кавалеріи, поддержаннымъ дивизією пѣхоты, начали вдругъ наступать со стороны Болимова, и сбили наши казачьи посты; вскорѣ они заняли Неборовъ. Фельдмаршалъ, получивъ о семъ донесеніе, въ большомъ безпокойствѣ поѣхалъ въ авангардъ, гдѣ поручилъ мнѣ принять начальство надъ передовыми войсками, состоявшими изъ двухъ казачьихъ и Елисаветградскаго гусарскаго полковъ, при двухъ орудіяхъ конной артиллеріи, которыми я и удержалъ дальнѣйшее наступленіе непріятеля, приблизивъ еще къ себѣ въ резервъ бригаду кавалеріи съ 6 орудіями конной артиллеріи. Мятежники заняли пѣхотою лѣсъ передъ Неборовымъ, и тѣмъ ограничили свое дальнѣйшее наступленіе. Фельдмаршалъ, ожидая общаго нападенія мятежниковъ, поручивъ мнѣ командованіе, поѣхалъ назадъ къ Бзурѣ, чтобы приказать устроить нѣсколько мостовъ и приготовить все къ оборо-

иѣ Ловича. Около полуночи возвратился я въ главную квартиру и нашелъ у фельдмаршала генераль-квартирмейстера, начальника артиллеріи и гр. Витта. Здѣсь уже опредѣлено было ограничиться обороною и отвести армію за Ловичъ въ крѣпкую позицію. Я возсталъ противъ этого, и могу сказать, почти требовалъ, чтобы на другой день, 25 числа, со всеѣми силами дебушировать на непріятеля, пока дефилеи при Аркадіи и Мыслакувѣ еще въ рукахъ нашихъ. . . Долго не рѣшался фельдмаршалъ на мое предложеніе. Наконецъ генераль-квартирмейстеръ и начальникъ артиллеріи, присоединясь ко мнѣ, убѣдили фельдмаршала склониться на мое предложеніе, при чемъ онъ примолвилъ «ну, дѣлайте какъ хотите!» Дѣло заключалось теперь въ томъ, чтобы еще ночью перевести всю армію на правый берегъ Бзуры. Надобно было тотчасъ приступить къ исполненію этого. Генер. адъют. Нейдгартъ и кн. Горчаковъ взяли сами вести войска на новыя позиціи. До разсвѣта оставалось только два или три часа, а непріятель могъ, прежде дебушированія нашего изъ дефиле, атаковать и вытѣснить войска наши изъ этихъ пунктовъ, чего признаюсь, я самъ нѣсколько опасался, если хотя немного замѣшкуютъ исполненіемъ передвиженія войскъ. Благодаря дѣятельности генераловъ Нейдгарта и кн. Горчакова, въ 4 часа пополудни вся армія бы-

ла уже расположена мною въ позиціи, имѣя дефилю за собою, и въ полномъ движеніи, чтобы атаковать непріятеля, какъ вдругъ получается извѣстіе, что онъ отступилъ къ Болимову. Подобная суматоха и хлопоты безпрестанно повторялись въ арміи, отъ чего? отъ того что фельдмаршалъ опасается высылать сильныя партіи и выдвигать авангардъ на такое разстояніе, чтобы ей быть спокойною въ своемъ лагерѣ и имѣть время приготовиться къ бою; отъ этого-то, при малѣйшемъ появленіи непріятеля, авангардъ, будучи почти на носу у арміи, производитъ общую тревогу. Такъ и мы всѣ, не спавъ всю ночь, съѣли въ 2 часа утра на коней; войска арміи, двигаясь всю ночь къ утру были изнурены; и какъ фельдмаршалъ во всякой позиціи принимаетъ оборонительныя мѣры, такъ и тутъ, войска встрѣтили необходимость строить мосты, которые наканунѣ были истреблены.

25-го іюля

Когда получились достовѣрные извѣстія, что казаки слѣдятъ за отступающимъ непріятелемъ, то фельдмаршалъ началъ говорить тономъ побѣдителя: «Il faut marcher, l'attaquer, le pousser; toute l'armée marchera en ordre de bataille». Мы

двинулись и, дойдя до Неборова, узнали, что мятежники остановились въ Болимовѣ. Фельдмаршалъ призадумался. И предлагалъ идти далѣе, сбить непріятеля и остановиться въ Равкѣ. «Нѣтъ ни за что», отвѣчалъ фельдмаршалъ, «авангардъ одинъ пусть сдѣдуетъ, а армія расположится при Аркадіи, т. е. отойдя назадъ. Авангардъ при Неборовѣ, т. е. въ двухъ верстахъ отъ арміи». Начальникъ авангарда, гр. Виттъ, донесъ, что непріятель, въ числѣ около 12,000, удерживаетъ Болимовъ, и что онъ не въ силахъ вытѣснить его. Фельдмаршалъ поѣхалъ въ авангардъ, и всѣ полагали, что онъ прикажетъ ему атаковать, поддерживая эту атаку всею арміею, но прибывъ туда, онъ отмѣнилъ всякую атаку, «опасаясь завязать общее дѣло». Это было обыкновенно его заключеніе—избѣгать общаго дѣла, какъ будто бы мы не въ состояніи одержать успѣхъ надъ мятежниками. Въ теченіи цѣлаго дня, въ самый зной, армія стояла подъ ружьемъ, не варя каши, а лошади, въ безпрестанномъ ожиданіи сраженія, безъ всякаго корма. Проведя почти 24 часа на конѣ, я совершенно изнуренный и больной, возвратился въ Ловичъ, куда хотѣлъ прибыть вслѣдъ за мною и фельдмаршалъ; но онъ пріѣхалъ не ранѣе 10 часовъ вечера, проведя день у Его Высочества въ Аркадіи, чрезъ что по

главному штабу опять не было никакого производства дѣлъ.

Вечеромъ, смотря на карту, я разсуждалъ самъ съ собою и думалъ: что будетъ изъ принятаго фельдмаршаломъ совершенно оборонительнаго образа веденія войны? Непріятель установилъ сегодня наше движеніе, единственно тѣмъ, что ему вздумалось занять выгодную позицію за Равкою и въ лѣсахъ около Болимова; не наведетъ ли это его на мысль занять партизанскими отрядами весь лѣсъ, простирающійся отъ Болимова, мимо Скерневице, Мщонова, Гродзиска и Вискитокъ, и тѣмъ, когда мы рано или поздно двинемся къ Варшавѣ, стать на нашихъ коммуникаціяхъ. Я этого весьма опасаясь, ибо наше сегодняшнее робкое движеніе могло легко внушить ему это. Главное опасеніе въ настоящую минуту составляетъ то, что Ридигеръ можетъ быть совершенно разбитъ и опять отброшенъ на правый берегъ Вислы, ибо Варшавская газета говоритъ, что онъ уже переправился на лѣвый берегъ, и хотя мы не имѣемъ ни прямаго сообщенія съ нимъ, ни извѣстій отъ него, по это весьма вѣроятно, судя по времени, въ которое онъ намѣревался совершить эту переправу. Какой срамъ и стыдъ ожидаютъ насъ, если это удастся непріятелю; а совершить это онъ можетъ, потому что, удостоившись, что мы не сдѣлаемъ никакого насту-

пательнаго дѣйствія, онъ оставитъ прогнву пастъ отрядъ въ Болимовскихъ лѣсахъ и скрытно приводесть въ исполненіе свое намѣреніе.

26-го іюля.

Фельдмаршалъ объявилъ мнѣ, что онъ поѣдетъ въ авангардъ и приказалъ мнѣ остаться въ Ловичѣ, и присылать къ нему рапорты, если таковые будутъ получаться изъ Сохачева или другихъ мѣстъ. Между тѣмъ, доѣхавъ до Аркадіи, фельдмаршалъ не отправился далѣе, а остановился у Его Высочества Великаго Князя, и послалъ просить гр. Витта, пожаловать къ нему. Опять прошло время безъ всякаго дѣла, что для меня тѣмъ непріятнѣе, что надобно было отправить отрядъ войскъ съ г. м. Лесовскимъ въ нѣмецкія колоніи, которыя нужно было склонить на нашу сторону, планъ для чего уже былъ готовъ и требовалъ только окончательнаго утвержденія фельдмаршала.

27-го іюля.

Я поѣхалъ въ сопровожденіи г. м. Берга, рекогносцировать непріятельскій лагерь. Мятежники, занявъ Болимовъ и правый берегъ Равки, повидимому хотятъ положить здѣсь пре-

граду нашему дальнѣйшему движенію, и потому я полагалъ, что это обстоятельство требуетъ ближайшаго осмотра. Подѣхавъ къ передовымъ казачьимъ постамъ и ведстамъ, я спросилъ казачьяго полковника Катасанова, гдѣ находятся передовые непріятельскіе пикеты, такъ какъ ихъ съ трудомъ можно было открыть въ кустахъ. Онъ взялся проводить насъ далѣе, и такимъ образомъ пройдя съ полъ версты отъ цѣпи постовъ, я нашелъ, что расположенные около Болимова и Сохачева непріятельскіе пикеты не имѣютъ между собою надлежащей связи; я воспользовался этимъ, чтобы какъ можно ближе подойти къ рѣкѣ Равкѣ при чемъ я могъ замѣтить: 1) Что предъ Болимовымъ, на лѣвомъ берегу Равки, мятежники строятъ шанцы большой профили, надъ которыми работаютъ до 1,000 чел. 2) Что на правомъ берегу они занимаютъ разные пункты пѣхотою и кавалеріею, но не въ значительныхъ силахъ. 3) Что главный ихъ лагерь находится непосредственно за Болимовымъ, по дорогѣ къ Червонной Нивѣ, и что въ немъ около 8 тысячъ, и около 25 орудій; потомъ, три кавалерійскихъ лагери на томъ же берегу насупротивъ деревень Соколова и Ясоины, и наконецъ родъ довольно значительнаго резерва около лѣса въ направленіи селенія Боржимовки. Всего на все казалось не болѣе 20 или 25 тысячъ всѣхъ родовъ войскъ.

Какъ ни выгодна казалась непріятельская позиція, имѣющая передъ фронтомъ рѣчку, требующую устройства мостовъ, исключая при устьѣ ея въ Бзуру, гдѣ ее можно было переходить въ бродъ, а на лѣвомъ флангѣ большой лѣсъ, который можно было обойти только сдѣлавъ дальній обходъ,—но и съ нашей стороны представлялись немаловажныя выгоды. Лѣвый, или лучше сказать, нашъ берегъ рѣчки Равки командуетъ правымъ, въ особенности на пространствѣ между Соколовымъ и Болимовымъ, такъ что, поставя 80 или даже болѣе орудій, можно не только съ выгодною дѣйствовать противу непріятельскаго лагеря и заставить мятежниковъ тотчасъ удалиться отъ берега, но даже, подъ прикрытіемъ этой многочисленной артиллеріи, совершить переправу при Соколовѣ, какъ единственномъ и выгоднѣйшемъ пунктѣ атаки непріятельской позиціи.

Проѣзжая чрезъ Аркадію, я сообщилъ въ присутствіи кн. Щербатова все мои предположенія Его Высочеству, причемъ кн. Щербатовъ, повидимому, раздѣлялъ мое мнѣніе относительно удобства атаковать непріятеля. Пробывъ здѣсь съ полчаса, я отправился въ Ловичъ представить предложеніе мое на усмотрѣніе фельдмаршалу, присовокупивъ, что чѣмъ скорѣе мы приведемъ его въ исполненіе, тѣмъ будетъ выгоднѣе для насъ; ибо легко быть можетъ, что не-

пріятель современемъ укрѣпить и Соколовъ, подобно Болимову. Затѣмъ я продолжалъ, что выборъ этой позиціи сдѣланъ непріателемъ очень хорошо, ибо она совершенно закрываетъ прямое наступленіе наше на Варшаву по Ловичьской дорогѣ. На лѣвомъ флангѣ этой позиціи находится лѣсъ, простирающійся на 40 и даже болѣе верстъ, и чтобы обойти его, надобно сдѣлать большой кругъ и совершенно покинуть дорогу, ведущую къ переправѣ и къ магазинамъ нашимъ, равно какъ и самый Ловичъ, укрѣпленія котораго немогутъ выдержать рѣшительной атаки, и подвергаютъ потерѣ всего того, что тамъ имѣетъ быть сложено; а посему, продолжая держаться у Ловича, мы будемъ связаны въ нашихъ дѣйствіяхъ и не достигнемъ ничего полезнаго, ибо если мы не рѣшимся атаковать непріятеля на Равкѣ, то невольнымъ образомъ будемъ въ оборонительномъ положеніи. Казалось фельдмаршалъ раздѣлялъ мое мнѣніе и спросилъ: «Когда же предполагаете вы атаковать непріятеля?» Я отвѣчалъ: «Хоть завтра; впрочемъ, я прошу ваше сіятельство, приказать еще генераль-квартирмейстеру и начальникамъ артиллеріи, сдѣлать вторичную рекогносцировку, можетъ быть они еще болѣе увидятъ», что и было исполнено въ тотъ же день, причемъ они нашли, что мои предложенія весьма основательны.

23-го я вмѣстѣ съ кн. Горчаковымъ пошелъ

къ фельдмаршалу, въ надеждѣ получить согласіе на атаку непріятеля, ибо уже вчера, казалось, онъ склонялся привести ее въ исполненіе; но нѣтъ, у него въ умѣ все перемѣнилось. На все наши предложенія онъ возразилъ, что «въ то время, когда мы будемъ переправляться чрезъ Равку при Соколовѣ, непріятель съ 20-ю батальонами будетъ дѣйствовать изъ Болимовскаго лѣса на наши сообщенія». Все наши доказательства, что подобное разобщенное дѣйствіе дастъ намъ возможность разбить превосходными силами сперва одну часть непріятельской арміи, и потомъ обратиться, съ превосходными же силами, противъ другой, которая бы хотѣла угрожать нашимъ сообщеніямъ. Нѣтъ, этого не было достаточно, чтобы доказать ему ложность подобнаго движенія непріятеля. Фельдмаршалъ полагалъ, что мы сдѣлаемъ лучше, если перейдемъ на лѣвый берегъ Бзуры около Ловича и атакуемъ непріятеля въ его позиціи на Равкѣ въ правый его флангъ, опять перейдя оную ниже впаденія ея въ Бзуру. Послѣ такого нелѣпаго заключенія, мнѣ ничего не оставалось, какъ молчать, хотя я и думалъ, что люди, подобные фельдмаршалу, если имъ не противорѣчатъ, остаются обыкновенно въ убѣжденіи, что съ ними совершенно согласились; вотъ почему нельзя не спорить съ нимъ, дабы не дать ему повода сказать—да вы сами

со мною согласились. Наконецъ, онъ кончилъ тѣмъ, что «онъ лучше сдѣластъ движеніе чрезъ Скерневице и Мщоновъ, чтобы стать на коммуникаціи непріятеля». Я опровергалъ это, говоря, что мы во время сего марша поставимъ свой флангъ мятежникамъ, которые могутъ напасть на насъ изъ лѣсовъ, по всѣмъ донесеніямъ съ передовыхъ постовъ занятыхъ имъ теперь. Потомъ рѣчь зашла о Варшавѣ, и я сказалъ: «Ахъ! какъ бы скорѣе кончить». — «Да это не такъ-то легко», примолвилъ фельдмаршалъ, «я говорилъ Государю, дайте мнѣ 120,000 чел., тогда я кончу войну, а въ противномъ случаѣ, это невозможно; и Государь удовольствовался тѣмъ, чтобы только перейти Вислу, что можетъ имѣть хорошій успѣхъ относительно политическаго вліянія». При этомъ случаѣ я замѣтилъ: «Это такъ, но это хорошее вліяніе не будетъ продолжительно, коль скоро не ознаменуемъ его новыми и блестящими успѣхами, ибо въ противномъ случаѣ, мы выкажемъ совершенную нашу слабость; ваше сіятельство, конечно согласитесь со мною, что до сего времени вся Европа полагала, что рѣка Висла служила препонаю окончательнымъ нашимъ успѣхамъ. Нынѣ эта препопа преодолена и мы ничего сдѣлать не можемъ». Я думаю, это заключеніе логически вѣрно. Но фельдмаршалъ этого не видитъ.

Я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что мы окончимъ эту кампанію со стыдомъ, не въ томъ отношеніи, чтобы непріятель разбилъ насъ, этого быть не можетъ, но мы упустимъ удобные случаи, наступить осень, голодъ, и мы будемъ принуждены отступить въ болѣе изобильный край, приблизиться къ магазинамъ нашимъ, и тѣмъ дадимъ случай восторжествовать надъ нами непріятелямъ и европейскимъ врагамъ нашимъ. Вотъ что можетъ произвести нерѣшимость и боязнь фельдмаршала.

Съ 28 по 30 іюля.

Фельдмаршалъ ожидалъ, что непріятель атакуетъ насъ, и для этого были приняты всѣ оборонительныя мѣры. Въ случаѣ наступленія непріятеля, гр. Виттъ долженъ былъ вывести свой авангардъ изъ Неборова и отступать на правый флангъ гренадерскаго корпуса (*).

(*) Первые три дня, слѣдовавшіе за 30 числомъ, весьма замѣчательны—въ теченіи ихъ, вмѣсто того чтобы думать объ атакѣ, польская армія пришла почти въ совершенную дезорганизацію, полководцы были назначаемы и смѣняемы, производились открытыя совѣщанія, а русскіе ничего не знали объ этомъ.

31-го іюля.

Ожиданіе нападенія все продолжалось. Войска всѣ эти дни были готовы къ сраженію. Лошади остьданы, артиллерія запряжена, и какъ нельзя было послать на фуражировку, то оказался недостатокъ въ кормѣ для лошадей. Отчего все это? отъ того, что авангардъ расположенъ почти на носу у арміи, и при малѣйшемъ движеніи въ лагерь у непріятеля, вся наша армія находится въ безпрестанной тревогѣ.

1-го августа.

Узнано черезъ переметчиковъ (*), что послѣ совершенной анархіи въ лагерь мятежниковъ, Скржинецкій смѣненъ Дембинскимъ; что сей послѣдній, представясь войскамъ, ободрялъ ихъ и обѣщалъ атаковать насъ и побѣдить или умереть вмѣстѣ съ ними. Какъ ни старался фельд-маршалъ казаться довольнымъ этою перемѣною, но не менѣе того, въ дунѣ его происходило смятеніе, явно выказывавшееся на его лицѣ,

(*) Только теперь, когда опасная минута миновала!

ибо онъ навѣрное ожидалъ въ ночь съ 1-го на 2-е августа атаку на нашъ лагерь.

Ночь прошла. Непріятель, вмѣсто того чтобы атаковать насъ, самъ стоялъ въ ружьѣ, опасаясь нашего нападенія, что мы узнали въ послѣдствіи проходя чрезъ Болимовъ.

2-го августа.

Рано утромъ фельдмаршалъ призываетъ меня, и все въ томъ убѣжденіи, что Демблинскій атакуетъ насъ, спрашиваетъ меня, «какъ я полагаю дѣйствовать?» Первоначально соглашаясь съ мнѣніемъ фельдмаршала, оставить Неборовъ и заманить непріятеля на нашу позицію, я отступился отъ этого мнѣнія, опасаясь, что онъ ограничится этимъ и не пойдетъ далѣе; тогда въ моральномъ отношеніи мы дадимъ противнику перевѣсъ надъ нами, а потому я предложилъ не покидать ни Неборовъ, ни Сыпинъ, а напротивъ того, подкрѣпить оба эти пункта гренадерскими дивизіями, подъ прикрытіемъ ихъ выдвинуть 60 орудій, и атаковать непріятеля въ то время, когда онъ будетъ дебушировать изъ селеній Ласечники и Пяски, которыя должны быть уступлены ему. Фельдмаршалъ никакъ не соглашался на это, говоря, что «мятежники будутъ дебушировать изъ Сѣржкова, изъ Соколова и изъ Болимова, но главными силами пойдутъ чрезъ

лѣсь и обойдутъ Неборовъ». Всѣ мои доводы, что столь разобщеннаго движенія нельзя ожидать, во 1) потому, что оно совершенно противно истиннымъ правиламъ тактики, во 2) что армія непріятельская, будучи слабѣе нашей, подвергается быть разбитою по частямъ, тогда какъ силы наши сосредоточены между Сыпнымъ, Неборовымъ и Аркадією, и если онъ отважится на этотъ маневръ, то едва ли десятая часть возвратится въ Варшаву, ибо мы отбросимъ мятежниковъ отъ ихъ операціонной линіи на Скерневице и далѣе на Раву. Нѣтъ, всѣ мои возраженія, на его неосновательныя заключенія, не были достаточны, чтобы увѣрить его въ истинѣ моихъ доводовъ, такъ что я ему сказалъ: «Ваше сіятельство, мнѣ не остается ничего болѣе, какъ написать мое мнѣніе на бумагѣ и представить его письменно; можетъ быть, тогда я объяснюсь лучше». Чрезъ часъ принесъ я ему мой mémoire. Прочитавъ его, онъ ничего не сказалъ, а объявилъ только, что онъ ѣдетъ въ Аркадію, гдѣ должны собраться всѣ корпусные командиры.

Прійдя домой, я приказалъ изготавить все къ походу, и отправился въ Аркадію. Это было около 11 час. утра. Между тѣмъ, фельдмаршалъ въ сопровожденіи генералъ-квартирмейстера и ген. м. Герштенцвейга, вмѣсто того чтобы прямо проѣхать въ Аркадію, поѣхалъ по обо-

ронительной позиціи, которую онъ намѣревался занять въ случаѣ атаки со стороны непріятеля.

Прибывъ въ Аркадію къ Его Высочеству, я нашелъ всѣхъ корпусныхъ командировъ ожидающихъ фельдмаршала, ибо черезъ переметчиковъ узнали, что будто въ 4 часа пополудни мятежники намѣрены атаковать насъ. Проходитъ часъ, другой, наконецъ пріѣзжаетъ фельдмаршалъ. Всѣхъ корпусныхъ командировъ просятъ войти въ залъ. Полковникъ Окуневъ (*) раскладываетъ карту, и фельдмаршалъ, по обыкновенію, неяснымъ образомъ, говоритъ, какъ онъ намѣренъ расположиться съ арміею. Между тѣмъ, мы ожидаемъ наступленія 4-го часа. Фельдмаршалъ отдыхаетъ въ комнатѣ Великаго Князя. Мы всѣ прохаживаемся на площадкѣ передъ домомъ. Люди съ ранняго утра не варили кашу, — артиллерія запряжена, кавалерія осѣдлана. Въ авангардѣ офицеры генеральнаго штаба наблюдаютъ съ казачьихъ ведетовъ. Каждые полчаса получаютъ рапорты, что непріятель не дѣлаетъ никакого движенія. Уже 4 часа, все спокойно. Меня спрашиваютъ можно ли людямъ варить кашу? Я разрѣшаю это на томъ основаніи, что пока разложатъ огни и разставятъ котлы, получится окончательное извѣстіе

(*) Довѣренное лицо фельдмаршала.

о движеніяхъ непріятеля. Это было около 5 часовъ. Наконецъ приходитъ извѣстіе, что часть непріятельской кавалеріи отступила по дорогѣ къ Варшавѣ. Чрезъ полъ часа—что за кавалеріею послѣдовала и часть пѣхоты, но что на передовыхъ постахъ нѣтъ никакой перемѣны. Разбудили фельдмаршала, имѣвшаго въ этотъ день лихорадку; онъ выходитъ на дворъ и говоритъ мнѣ: «Il paraît qu'ils s'en vont». Я ему отвѣчаю: «Ils n'ont jamais eu l'intention de nous attaquer; comme ils l'ont toujours fait, ils nous craignent». Онъ на это возразилъ: «Attendons encore quelques instants». И такъ, прождавъ до 7 часовъ, мы поѣхали обратно въ Ловичъ, гдѣ прийдя къ нему, я получилъ приказаніе изготавить все для быстраго преслѣдованія мятежниковъ, коль скоро мы узнаемъ достовѣрно, что они отступаютъ. «Je crains seulement», присовокупилъ фельдмаршалъ, «qu'ils ne commencent à manoeuvrer». — «Ne craignez pas», отвѣчалъ я, «ils s'en vont tout bonnement sans être inquiétés».

3-го августа.

Въ 3 часа пополудни непріятель спялъ ведеты, которые казаки настигли около Червонной-Нивы. Рапортъ гр. Витта присланъ около 6 час. утра. Меня разбудили, я пошелъ къ фельдмаршалу. Онъ показалъ желаніе, чтобы я самъ поѣхалъ въ авангардъ «pour faire avancer tout cela»,

были его слова. Въ 7 часовъ я сѣлъ въ дрожки и поскакалъ, и въ 8 часовъ былъ уже въ Болимовѣ. Дорогою, прежде нежели прислана была въ войска диспозиція, я именемъ фельдмаршала приказалъ гренадерскому корпусу слѣдовать немедленно въ слѣдъ за авангардомъ. За Болимовымъ я нашелъ авангардъ на привалѣ въ одной верстѣ отъ мѣстечка. Войска двигались медленно (*). Гр. Виттъ удовольствовался слѣдить за непріятелемъ однимъ казаками. Я приказалъ ему тотчасъ выступить и идти живѣе. Пославъ къ мѣстечку Вискитки и къ устью рѣчки Писіи сильныя партіи, самъ я съ авангардомъ безостановочно шелъ по дорогѣ къ селенію Старпіончкѣ. Казаки донесли мнѣ, что Шимановъ занялъ непріятельскою пѣхотою, кавалерією и артиллерією. «Тѣмъ лучше», сказалъ я гр. Витту, «мы ихъ атакуемъ». Гр. Виттъ полагалъ, что мы можемъ встрѣтиться тамъ со всею армією. «Нѣтъ нужды, были бы только подъ рукою гренадеры»; для чего я чрезъ адъютанта моего Лауница повторилъ кн. Шаховскому приказаніе, не останавливаясь послѣдовать ко мнѣ. Дойдя до селенія Старпіончки и пройдя около 20 верстъ, я приказалъ сдѣлать

(*) Гр. Виттъ, одиѣ изъ превосходѣйшихъ организаторовъ войскъ, какъ генералъ былъ вялъ и слабъ.

привалъ, чтобы дать время подойти гренадерамъ. Я расположилъ весь авангардъ скрытно между селеніемъ и лѣсомъ и приказалъ осмотрѣть ружья и подтянуть въ кавалеріи подируги. Казаки не должны были тревожить непріятеля. Самъ я поѣхалъ, въ сопровожденіи одного адъютанта и проводника, осмотрѣть мѣстоположеніе и расположение непріятеля. Онъ занималъ незначительнымъ числомъ пѣхоты мѣстечко Шимацовъ, — артиллеріи и кавалеріи не было вовсе. Мѣстность, по которой мы должны были проходить, ровная, но перерѣзанная искусственными рвами для стока воды, такъ что, не смотря на это, войска могли идти боевымъ порядкомъ въ нѣсколько линій. Въ 3 часа, собравъ генераловъ, я сказалъ имъ, какимъ боевымъ порядкомъ я намѣренъ наступать, и тотчасъ приказалъ двинуться впередъ; но прежде, нежели люди стали въ ружье, я опять поѣхалъ на ведоты, дабы направлять оттуда движеніе наступающихъ нашихъ войскъ. Здѣсь я приказалъ полковнику Катасанову, стянувъ оба казачьи полка на лѣвый свой флангъ, перейти въ бродъ рѣчку Писію при сел. Кавенчинѣ и угрожать правому флангу и тылу непріятельскому, на каковой конецъ я далъ ему своего проводника. Какъ только Катасановъ открылъ фронтъ наступающаго нашего боеваго порядка, двѣ линіи колоннъ пѣхоты нашей, имѣя на правомъ флангѣ

всю легкую кавалерію, а кирасирскую бригаду за собою въ 3 линіи, двинулись впередъ. Не доходя селенія Шиманова, стрѣлки съ обѣихъ сторонъ открыли огонь, равно какъ и 8 орудій нашей артиллеріи, тотчасъ заставившія непріятельскіе баталіоны скрыться за дома. Прекративъ огонь я приказалъ двумъ баталіонамъ 4-го егерскаго и баталіону Луцкаго гренадерскаго полковъ ударить въ штыки и занять Шимановъ, что и было исполнено въ мгновеніе ока. Три непріятельскіе баталіона, занимавшіе селеніе, отступили за рѣчку Писію, сломавъ за собою два моста. Пройдя сквозь селеніе, я увидѣлъ это препятствіе, и въ то же время открылъ за рѣкою непріятеля на позиціи съ значительною частью его арміи. Плѣнные, взятые въ селеніи, показали, что ихъ 25 баталіоновъ пѣхоты, 20 эскадроновъ кавалеріи съ 20 орудіями, подъ начальствомъ Ромарино; сколько же я могъ замѣтить, то тамъ было всего около 10 или 12 тысячъ. Непріятель съ противоположнаго берега открылъ сильный огонь по нашимъ стрѣлкамъ, поддерживая его 6 орудіями. Я тотчасъ приказалъ 16 орудіямъ нашей артиллеріи, обойдя селеніе, стать на правой его оконечности, и тѣмъ взять во флангъ всю позицію непріятеля. Колонны мятежниковъ, сильно поражаемыя принуждены были поспѣшно отступить по дорогѣ въ сел. Каски. Въ это самое время гр. Виттъ

долженъ былъ занять м. Шимановъ и стараться возстановить мостъ и, перейдя съ пѣхотою, утвердиться на противоположномъ берегу. Постройка моста шла медленно, а потому я не могъ переправить свою кавалерію и воспользоваться отступленіемъ непріятеля, за конемъ послѣдовали одни казаки Катасанова. Потеря непріятеля въ этотъ день состояла убитыми: 2 капитана и 60 чел. нижнихъ чиновъ; въ плѣнъ захвачено 2 офицера и 180 нижнихъ чиновъ. Къ концу дѣла прибылъ фельдмаршалъ и приказалъ одной батарее, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ, идти въ верхъ по рѣчкѣ Писин. Эта батарея, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ заставила мятежниковъ окончательно оставить поле сраженія, и какъ выше сказано, они были преслѣдуемы казачьими полками Катасанова, къ вечеру занявшими селеніе Голе (*).

4-го августа.

Всей арміи было приказано въ самомъ сомкнутомъ строѣ слѣдовать за непріателемъ, почему авангардъ долженъ былъ тронуться только тогда, когда къ нему подойдутъ 1-й пѣхот-

(*) Въ этотъ вечеръ въ Варшавѣ происходили страшныя убійства, при чемъ были изрублены Янковскій, Гуртигъ, Феньшау, Бажанова и многіе другіе.

ный и гренадерскій корпуса и гвардія, направленная отъ Дунина-Поля чрезъ Осины на Голле. Въ это утро главнокомандующій полагалъ, навѣрное сойтись съ мятежниками, но все-таки въ томъ предположеніи, что они атакуютъ, ибо отъ казачьихъ постовъ получено извѣстіе, что непріятель остановился со всею арміею у Блоне.

Читатель усмотритъ изъ этого, какъ наступательныя дѣйствія перемѣшивались съ оборонительными. Коль скоро преслѣдуютъ бѣгущаго или хотя въ порядкѣ отступающаго непріятеля, то всякій представляетъ себѣ преслѣдующія войска въ наступательномъ движеніи. Можно ли себѣ вообразить, чтобы, настигнувъ непріятеля, пришлось вдругъ остановиться съ тѣмъ, чтобы занять крѣпкую оборонительную позицію и ожидать его атаки. Въ такихъ предположеніяхъ, если читатель припомнитъ уже имъ здѣсь прочитанное, постоянно находился фельдмаршалъ. Меня сегодня крайне удивило желаніе фельдмаршала имѣть во время дѣла всѣхъ корпусныхъ командировъ при себѣ, дабы они, получивъ лично отъ него приказанія, посылали таковыя къ своимъ корпусамъ, потому что, говорилъ онъ, «я опасюсь, что мои адъютанты не такъ перескажутъ, а корпусные командиры, получивъ приказанія отъ меня, могутъ чрезъ своихъ адъютантовъ передавать ихъ

корпусамъ». Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, и при всемъ моемъ терпѣніи, я сказалъ самымъ почти-тельнымъ тономъ: «Осмѣливаюсь доложить вашему сіятельству, что это неудобно». — «Почему?» — «Ну если адъютантъ корпуснаго командира не такъ передастъ, что будетъ изъ этого? совершенное замѣшательство, которое можетъ отклонить только корпусный командиръ, находясь на своемъ мѣстѣ; и еще болѣе, когда въ точности переданное приказаніе ваше чрезъ вашего адъютанта, было бы не согласно съ обстоятельствами, и вамъ вовсе не извѣстными». Фельдмаршалъ промолчалъ, и корпусные командиры остались при своихъ корпусахъ. На половинѣ дороги къ Блоне, фельдмаршалъ остановился у помѣщика отдохнуть и укрыться отъ проливнаго дождя. Я поѣхалъ впередъ и съ авангардомъ вошелъ въ Блоне. Потомъ, желая видѣть позицію непріятеля, я отправился съ начальникомъ артиллеріи кн. Горчаковымъ на передовые посты, расположенные вдоль рѣки Утраты. Приближаясь къ этой рѣкѣ, я замѣтилъ общее отступательное движеніе арміи мятежниковъ къ Варшавѣ, а мостъ на шоссе, объятый пламенемъ, которое однако казаки успѣли загасить. Немедленно донеся о семъ фельдмаршалу, я тотчасъ переправилъ охотниковъ-казаковъ, которые захватили нѣсколькихъ плѣнныхъ и при-

вели ихъ къ намъ, и затѣмъ приказалъ походному атаману слѣдить за непрітелемъ, и донести къ вечеру во всей подробности, гдѣ онъ остановится. Послѣ сего, возвратясь въ Блоне, я нашелъ гр. Витта расположеннаго у самаго города. Войдя къ фельдмаршалу, я представилъ ему неудобство столь близкаго расположенія авангарда, и спросилъ его, не прикажетъ ли онъ сейчасъ же выступить ему и стать лагеремъ при самой рѣкѣ Утратѣ, выдвинувъ въ подкрѣпленіе казаковъ, нѣсколько эскадроновъ регулярной кавалеріи. Фельдмаршалъ согласился на это, но съ условіемъ, отнюдь не завязывать дѣла, и въ случаѣ наступленія непріятеля, тотчасъ отойти на лѣвый берегъ Утраты.

Здѣсь упросилъ я фельдмаршала дать дневку войскамъ, чтобы запасти свѣжими сухарями, и столь необходимымъ для изнуренныхъ нашихъ лошадей яровымъ хлѣбомъ, стоявшимъ еще на поляхъ въ совершенной цѣлости.

Къ вечеру гр. Виттъ привезъ лично донесеніе фельдмаршалу ген. л. Власова, что армія мятежниковъ отступила къ Варшавѣ, имѣя арріергардъ свой по сю сторону Воли, и при этомъ случаѣ просилъ позволенія на другой день, т. е. 5 числа, сдѣлать усиленную рекогносцировку къ сторонѣ Воли. Фельдмаршалъ долго не могъ рѣшиться на это, возражая что

онъ не надѣется на нашу кавалерію; «побьютъ ее поляки», говорилъ онъ. На это гр. Виттъ отвѣчалъ ему, что кавалерія его корпуса ни гдѣ не показала тыла непріятелю, въ чемъ сослался на меня, какъ бывшаго во многихъ дѣлахъ свидѣтелемъ этого, и что онъ честью своею отвѣчаетъ за нее. «Ну хорошо, согласенъ; но чтобы по крайней мѣрѣ употребить 50 эскадроновъ, и то съ большою осторожностью».

3-го августа.

Около полудня гр. Виттъ двинулся по шоссе, и не доходя версты 4 до Воли, завидѣлъ наступающаго непріятеля, котораго казаки навели на нашу передовую кавалерію, состоявшую изъ 14 эскадроновъ. Какъ только непріятель приблизился, то тотчасъ былъ атакованъ, и менѣе чѣмъ въ полъ часа, весь этотъ авангардъ мятежниковъ, состоявшій изъ 3-го линейнаго пѣхотнаго полка и 8 эскадроновъ кавалеріи при двухъ орудіяхъ, былъ совершенно уничтоженъ, при чемъ взяты оба орудія, 36 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1325 нижнихъ чиновъ. Гр. Виттъ въ своемъ донесеніи объ этомъ блистательномъ дѣлѣ не могъ умолчать, сколько ошибочно было заключеніе фельдмаршала о нашей кавалеріи.

Вотъ съ какимъ несчастнымъ предубѣжденіемъ судить фельдмаршалъ о войскахъ и генералахъ нашихъ.

6-го августа.

Главная квартира перешла въ Падаржинъ. Здѣсь фельдмаршалъ сдѣлалъ разныя распоряженія, касающіяся приготовленія фуражнаго продовольствія, и которыя по неосновательности ихъ, до 12 числа были три раза перемѣняемы. Напримѣръ: приказано было, чтобы войска въ занимаемомъ ими раіонѣ заготавливали бы сѣно, молотили бы для себя овесъ, такъ чтобы его всегда было въ саквахъ на 6 дней, и за все это обѣщали войскамъ плату за пудъ сѣна по 5 коп. сер., да сверхъ того, помѣщикамъ за взятое у нихъ сѣно и овесъ, особую плату. Корпусные командиры немедленно вошли съ представленіемъ, что это неисполнимо, ибо все, что можно сдѣлать, это подвозить въ лагерь необходимое для текущаго продовольствія. Вотъ почему были сдѣланы разныя отмѣны въ прежнихъ распоряженіяхъ. Я предлагалъ фуражировать въ раіонахъ, каждому корпусу назначенныхъ, и выдавать квитанціи отъ корпусныхъ командировъ самимъ помѣщикамъ, стараться пріискать подрядчиковъ, которые добывали бы сѣно и овесъ въ опредѣленныхъ раіонахъ и заготавливали бы склады преимуще-

ственно на берегу Вислы, дабы ихъ можно было сплавлять къ самому лагерю. Замѣчательно, что все заготовленія дѣлаются кое-какъ. То генераль-квартирмейстеръ долженъ писать объ этомъ къ какому нибудь отрядному начальнику, то дежурный генераль обязанъ прискидывать людей и назначать для споспѣшествованія сего заготовленія обводнаго начальника; короче, одинъ говоритъ другому: да это не мое дѣло, я его вовсе не знаю. Оно и въ самомъ существѣ противъ правилъ образованія главнаго штаба арміи, ибо это вполне обязанность генераль-интенданта, потому что дѣла эти денежные, и онъ одинъ долженъ отдавать въ нихъ отчетъ; онъ имѣетъ чиновниковъ для разсылки и узнаванія средствъ края; онъ, по учрежденію о большой дѣйствующей арміи, долженъ управлять краемъ; словомъ сказать, все дѣйствія по продовольствію должны зависѣть собственно отъ генераль-интенданта, ибо тутъ большая отчетность. Но фельдмаршалъ ничему не внимаетъ, ссылаясь постоянно на персидскую войну, въ которой онъ изумилъ Европу правильнымъ продовольствіемъ войскъ. Такимъ образомъ, вдругъ схватилъ онъ вчера директора госпиталей г.-м. Тишина и послалъ его въ Раву заготовить продовольствіе для арміи. Переѣзжая отъ одного пункта къ другому, для исполненія сего порученія, этотъ генераль былъ захваченъ непріятель-

скимъ партизаномъ, и армія лишилась въ немъ самаго способнѣйшаго директора госпиталей. Послѣ этого каждый можетъ спросить: что же дѣлаетъ генераль-интендантъ? На это короткій отвѣтъ: ничего, какъ только выдаетъ деньги на право и на лѣво по ордерамъ фельдмаршала и смотритъ за успѣшнымъ ходомъ хлѣбопеченія, дѣла казначея и комиссіонера генераль-интенданства.

8-го августа.

Фельдмаршалъ приказалъ всей кавалеріи, кромѣ гвардейской, быть къ 4 часамъ въ готовности къ выступленію. Онъ имѣлъ въ виду «на обширныхъ поляхъ Варшавскихъ показать непріятелю это прекрасное войско». Что же наконецъ вышло: не разочтя нужное для этого движенія время, онъ подошелъ въ сумеркахъ на разстояніе двухъ верстъ отъ непріятельскихъ вѣстовъ. Войска крикнули ура! и отошли опять въ лагерь. Вотъ какъ это случилось. Въмѣсто 4 часовъ, фельдмаршалъ пріѣхалъ къ авангарду въ 6 часовъ; пока приказано было тронуться, пока пришли на мѣста, прошло безъ малаго два часа и сдѣлалось такъ темно, что непріятель съ трудомъ могъ видѣть что либо. Во время движенія войскъ Его Императорское Высочество Михаилъ Павловичъ получилъ изъ Петербурга радостное извѣстіе о благополучномъ

разрѣшеніи отъ бремени Государыни Императрицы, Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Я предложилъ тутъ же громкимъ ура провозгласить это извѣстіе собраннымъ войскамъ. Это было одобрено. Но и тутъ фельдмаршалъ не умѣлъ сдѣлать приличнаго распоряженія; хотя онъ и разослалъ своихъ адъютантовъ съ увѣдомленіемъ объ этомъ во всѣ части войскъ, но не сказалъ откуда принимать ура и когда кончить его, такъ что, не дождавшись адъютантовъ, прокричали ура не въ одно время и не въ порядкѣ. Послѣ этого въ иныхъ полкахъ играли зорю, въ другихъ мазурку, ибо и тутъ фельдмаршалъ не приказалъ ничего надлежащимъ образомъ. Не менѣе того это ура послужило большою тревогою для мятежниковъ — они съ 11 часовъ вечера, всю ночь съ 8 числа на 9 стояли въ ружьѣ, опасаясь нашей атаки, а 9-го вся армія собралась между Волсю и Мокотовымъ, что опять въ свою очередь надѣлало тревоги въ душѣ фельдмаршала, ибо онъ хотѣлъ уже оставить Раиницъ и приказать гр. Витту отступить на гр. Палена, расположеннаго при Волицѣ. Присланный отъ гр. Витта съ донесеніемъ о расположеніи непріятеля, гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Ливень (*)

(*) Нынѣ генералъ-адъютантъ, бывшій генералъ-квартирмейстеръ и командующій войсками Рижскаго военнаго округа.

такъ умно возражалъ на предположеніе фельд-маршала, что мятежники могутъ обойти насъ справа, что я въ душѣ моей краснѣлъ, что этотъ молодой офицеръ понималъ вещи лучше нежели господинъ генералъ-фельдмаршалъ; наконецъ, не соглашаясь прежде съ моимъ мнѣніемъ, онъ согласился съ мнѣніемъ Ливена, предложившимъ совершенно то же что и я : вмѣсто того, чтобы приказать отступить гр. Витту, двинуть гр. Палена на подкрѣпленіе къ нему. Чтобы еще болѣе успокоить фельдмаршала, я предложилъ возвести укрѣпленія передъ Рашнинымъ, ибо онъ охотникъ вездѣ укрѣпляться, и теперь, при неминуемо предстоящей атакѣ Варшавы, я уже напередъ опасаюсь, что онъ откроетъ траншеи противъ полевыхъ Варшавскихъ укрѣпленій, что будетъ посмѣшищемъ для всей Европы. Я извлекъ это заключеніе изъ неоднократныхъ его разговоровъ; онъ все въ той надеждѣ, что мятежники должны умереть съ голоду, находясь въ *мнимой тѣсной* блокадѣ, для чего въ лагерьяхъ нашихъ въ большомъ количествѣ вяжутъ фашины и туры, и инженеръ-генералу Дену, уже приказано сдѣлать расчетъ на 4 большіе редута, на саны и другіе траншеи.

10-го августа.

Я долженъ былъ ѣхать въ авангардъ, чтобы избрать пункты для укрѣпленій при Рашинѣ.

Я нашелъ, что ген.-лейт. Муравьевъ сдѣлалъ уже все, что можетъ послужить къ сильной оборонѣ сего пункта. Послѣ обѣда фельдмаршалъ самъ поѣхалъ въ авангардъ, и нашелъ, что нашъ правый флангъ можно обойти, прежде нежели гренадерскій и гвардейскій корпуса успѣютъ соединиться съ корпусомъ гр. Палена.

Я прошу читателя взглянуть на подробный планъ окрестностей Варшавы. Гвардейскій корпусъ расположенъ при Черпомъ лѣсѣ, правымъ флангомъ къ оному, а лѣвымъ чрезъ большую дорогу, идущую изъ Надаржина въ Рашинъ. Гренадерскій корпусъ, впереди гвардіи, при ручьѣ, протекающемъ мимо селенія Фаленты, занимая карабинерными бригадами впереди лежащій лѣсъ. Фельдмаршалъ предполагаетъ, что непріятель можетъ, выступивъ ночью изъ Варшавы, идти чрезъ Служевецъ, Желалинъ, Домбровку, Ивичну-Нову, Нововолю, Яницевице на Слонимъ и Волицу, и этимъ разрѣзать армию на двѣ части, прежде нежели она успѣетъ соединиться. Я ему возразилъ на это слѣдующее: 1) Непріятель не можетъ предпринять это движеніе, не бывъ открытъ нашими передовыми постами, занимающими все пространство, отъ Вилянова, чрезъ Служевъ, Служевецъ до Ракова; ибо во всѣхъ этихъ мѣстахъ стоятъ сильные казачьи посты, имѣя ведеты еще далѣе впереди.

2) Непріятелю нужно сдѣлать болѣе 20 верстъ, прежде нежели онъ достигнетъ Волицы, тогда какъ гренадерскій корпусъ долженъ пройти только двѣ версты, а гвардейскій четыре, чтобы соединившись стать передъ Волицею и быть въ 3-хъ верстахъ отъ гр. Палена, т. е. чтобы сосредоточить всю армію на высотахъ между Рашинымъ и Волицею.

Наконецъ 3) Непріятель встрѣтитъ всю русскую армію соединенную, и будетъ неминуемо совершенно разбитъ и уже не войдетъ обратно въ Варшаву, которая должна пасть безъ защитниковъ. Смотри на карту, всякій удостовѣрится, что доводы эти—аксіомы. Нѣтъ, фельдмаршалъ ни въ чемъ не согласился со мною, и находится въ безпрестанномъ опасеніи, изнуряется, спитъ въ мундирѣ; словомъ сказать, съ ума сводитъ всѣхъ насъ своими пустыми заботами. Вездѣ ему мерещится, что непріятель обходитъ насъ, хотя бы онъ былъ въ двое слабѣ насъ. Онъ всегда предполагаетъ непріятеля быстрѣе и предпримчивѣе, и поэтому безпрестанно бонтся быть атакованнымъ.

Сего же числа вечеромъ, получено чрезъ переметчиковъ донесеніе, подтвердившееся рапортомъ генерала бар. Розена, посланнымъ чрезъ Карчевъ, что мятежники, въ числѣ 8 полковъ пѣхоты, 8 полковъ кавалеріи и 10 ротъ артиллеріи, перешли въ Прагу. Въ разговорѣ

съ фельдмаршаломъ объ этомъ, я высказалъ мнѣніе, что такъ какъ кавалерія мятежниковъ не можетъ существовать въ Варшавѣ, то вѣроятно, отгѣснивъ Розена до Бреста, инсургенты постараются собрать все продовольствіе съ Подляскаго воеводства и возвратятся потомъ въ Варшаву, почему намъ пужно, не дожидаясь ихъ возвращенія, подступить къ ней. «Какъ! подступить и тамъ оставаться», спросилъ фельдмаршалъ. «Да, ваше сіятельство, подступить и атаковать безъ замедленія». — «Безъ Крейца и Ридигера я ничего не предприму», отвѣчалъ фельдмаршалъ. На это я сказалъ: «Крейць не можетъ прибыть ранѣе 10 дней, а Ридигера вовсе нельзя присоединить, ибо въ противномъ случаѣ, Ружицкій будетъ на нашихъ коммуникаціяхъ. Въ теченіи этихъ 10 дней Розенъ можетъ быть совершенно разбитъ, а Ромарино возвратится въ Варшаву съ богатымъ запасомъ продовольствія. Вотъ еслибы у насъ былъ мостъ съ сильнымъ тетъ-де-пономъ въ Гурѣ-Кальваріи, то непріятель не отважился бы сдѣлать поискъ на Розена, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Варшавы; а теперь ему никто не мѣшаетъ выслать партіи до Люблина и уничтожить тамъ все продовольствіе Ридигера». Къ этому я присовокупилъ, что, имѣя мостъ въ Гурѣ-Кальваріи, Розену не было бы надобности отступать на Брестъ, охраняемый 8-ю пѣхотною дивизією, а на Гуру-

Кальварію, чрезъ которую можно было, или подкрѣпить его, или усилить имъ главную армію, въ случаѣ атаки Варшавы. На этотъ разъ фельдмаршалъ созналъ справедливость моего довода, но ни на что не рѣшался, ибо, какъ онъ говоритъ, у него нѣтъ 10,000 чел. Не менѣ того онъ приказалъ перевести два понтонныхъ отдѣленія изъ Миценова въ Тарчинъ, по направлению къ Гурѣ; но трудно мнѣ будетъ убѣдить его отправить бригаду пѣхоты для постройки тетъ-де-поиа на правомъ берегу, противъ Гурь.

12-го августа.

Непріятель намѣревался произвести фуражировку и выдвинулъ для сего два полка кавалеріи и 4 баталіона пѣхоты при двухъ орудіяхъ. Вскорѣ онъ занялъ селеніе Раковъ. Атаманскій, 5-й Черноморскій и Грекова 5-го полки, подкрѣпленные 2-мя орудіями, атаковали его столь быстро, что онъ принужденъ былъ укрыться подъ самыя городскія батареи, не успѣвъ ничѣмъ запасться. Потеря его заключалась въ 40 чел. убитыми и 32 плѣнными. По первому рапорту объ этомъ, фельдмаршалъ еще болѣе утвердился въ своемъ мнѣніи, что непріятель имѣетъ твердое намѣреніе обойти насъ, и для того приказалъ: корпусу гр. Палена, перейти на правый флангъ гр. Витта къ селенію Малыя

Фаленты, а гренадерскій корпусъ расположить тамъ, гдѣ стоялъ гр. Паленъ—около Волицы.

Бездѣйствіе наше столь пагубно, что объ немъ уже съ неудовольствіемъ поговариваютъ въ арміи. Непріятель, видя что мы ничего не предпринимаемъ, рѣшился, какъ выше сказано, перейти съ половиною своей арміи на правый берегъ Вислы, и по донесеніямъ видно, что онъ намѣревается фуражировать и снабжать Варшаву продовольствіемъ. Бар. Розенъ, имѣя подъ ружьемъ около 18,000, равнодушно смотритъ на это, ибо онъ имѣетъ повелѣніе фельдмаршала быть всегда въ полутора маршѣ отъ непріятели, и если бы послѣдній атаковалъ, то отступать хотя бы до Бреста-Литовскаго. Люди и начальники ихъ, видя что вмѣсто того чтобы сражаться, имъ велятъ отступать, падаютъ духомъ.

Со времени прибытія нашего въ Надаржинъ, фельдмаршалъ два раза хотѣлъ рекогносцировать положеніе непріятельскихъ укрѣпленій, и всегда пріѣзжалъ на передовые посты тогда, когда уже начинало смеркаться и ничего нельзя было видѣть. Не менѣе того, всякій разъ онъ дѣлалъ свои замѣчанія, говоря «ils se sont fortifiés jusqu'aux dents, se sera difficile de les forcer». На что я ему однажды сказалъ: «Ваше сіятельство, не зная пункта нашей атаки, они не могутъ защищать съ успѣхомъ столь прострашныхъ укрѣпленій, да къ тому же противъ русскаго шты-

ка ни что устоять не можетъ». Это послѣднее замѣчаніе онъ принялъ съ негодованіемъ. «Да, сударь, я это изъ опыта знаю, но надобно быть осторожнымъ».

13-го—15-го августа.

Фельдмаршалъ находился въ нерѣшимости, что дѣлать съ корпусомъ генералъ-адъют. Ридигера. Ромарино, перешедшій Вислу въ Прагъ, держалъ ея ещѣ два нашихъ корпуса, а именно бар. Розена и Ридигера. Первому предписано быть въ одномъ, и даже болѣе, маршъ отъ непріятеля, а второму, до дальнѣйшей развязки движенія Ромарино, оберегать мосты свои при Гуржѣ.

15-го августа.

Наконецъ сегодня, послѣ 3-хъ часовыхъ преній, рѣшено поручить ген.-м. Герштенцвейгу построить мостъ при Гурѣ-Кальваріи. Но при этомъ случаѣ фельдмаршалъ очень опасался, чтобы непріятель не послалъ бы лѣвымъ берегомъ чрезъ Іезіорну 50 баталіоновъ, чтобы истребить Герштенцвейга при Гурѣ, которому даны бригада егерей и бригада кавалеріи съ ротою артиллеріи. На это я ему сказалъ: «Ваше сіятельство опасаетесь, чтобы Герштенцвейгъ не былъ истребленъ, тогда какъ онъ совершенно закрыть положеніемъ арміи, и предполагаете

возможнымъ, чтобы непріятель выслалъ такой сильный отрядъ, который рискуетъ не только никогда не возвратиться, но быть брошеннымъ въ Вислу. Позвольте спросить ваше сіятельство, еслибы вы командовали въ Варшавѣ, послали бы вы подобный отрядъ къ Гурѣ-Кальваріи, когда предъ вами стояла бы сильная непріятельская армія, угрожающая атаковать Варшаву?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ; «Почему же ваше сіятельство полагаете, что непріятель сдѣлаетъ такую глупую ошибку». — «Онъ сумашедшій, онъ на все способенъ», отвѣчалъ фельдмаршалъ. «Дорого бы заплатилъ онъ за такое сумашествіе», сказалъ я, и кончилъ разговоръ, ибо замѣтилъ, что онъ смѣшался. При всемъ томъ я не отвѣчаю, чтобы онъ завтра опять не вернулся къ этой чудной мысли, что непріятель двинется изъ Варшавы вдоль берега къ Гурѣ-Кальваріи, подставляя намъ во время этого движенія не только правый флангъ свой, но и тылъ. Вообще замѣтилъ, что фельдмаршалъ возвращается иногда къ такой вещи, которая неудобноисполнима и даже невѣроподобна, и противна всѣмъ простымъ правиламъ войны и тактики. У него какъ говорятъ французы: *il a des idées fixes*.

19-го августа.

Между 15 и 19 августомъ прибылъ къ арміи генер. бар. Крейцъ съ 14 баталіонами пѣхоты, 10 эскадронами кавалеріи, Линейнымъ и л. гв. Черноморскимъ казачьими полками. Еще надлежало подойти двумъ бригадамъ пѣхоты отъ ген. ад. Ридигера, которыхъ ожидали между 22 и 24 числами. Съ прибытіемъ всѣхъ этихъ войскъ, армія возрастала до 80 т., въ которомъ числѣ было до 15 т. кавалеріи. Кромѣ того находилось на лѣвомъ же берегу Вислы, при Осекѣ, 1-й и 5-й егерскіе полки и 2-я бригада 7-й пѣхотной дивизіи при 2-хъ эскадронахъ л. гв. Казачьяго полка и Казанскій драгунскій полкъ. Въ Калишѣ отрядъ л. гв. Уланскаго Цесаревича и Тверскаго драгунскаго полковъ. Въ Лодзи, подъ начальствомъ г.-м. Лесовскаго, 1 баталіонъ 3-го егерскаго и 4 эскадрона Павлоградскаго гусарскаго полковъ. Въ Ловичѣ, подъ командою генер.-м. Притвица, 2-й морской и два эскадрона Павлоградскаго гусарскаго полковъ и 2-й саперный баталіонъ. Въ Надаржинѣ долженъ былъ остаться на случай движенія къ Рашину 6-й егерскій полкъ. Какъ уже не оставалось никакой причины откладывать атаку Варшавы открытою силою, ибо удаленіе Розена, явно доказывало невозможность блокировать городъ въ той мѣрѣ, чтобы не допускать подвозы; и недостатокъ въ фуражѣ, за которымъ ходили уже за 25 и

30 верстъ, ежедневно возрасталъ, то фельдмаршалъ изъявилъ желаніе, чтобы каждый изъ насъ представилъ письменно мнѣніе свое, какъ и съ какой стороны атаковать Варшаву. На это были приглашены: я, генералы: Нейдгартъ, кн. Горчаковъ, инженеръ генераль-маіоры Денъ и Шильдеръ. Дня два или три спустя, каждый изъ насъ представилъ свое мнѣніе. Фельдмаршалъ, я и Нейдгартъ, полагали атаковать со стороны Мокотова. Прочіе генералы предлагали вести атаку со стороны Воли главными силами, и демонстрацію со стороны Мокотова. Но когда, во время совѣщаній нашихъ, я разсмотрѣлъ карту и большой, весьма подробный планъ Варшавы, и выслушалъ доводы приведенные кн. Горчаковымъ, я тотчасъ склонился на его сторону, но съ условіемъ, ограничиться атакою между Калицкимъ и Краковскимъ шоссе, на что кн. Горчаковъ, Денъ и Шильдеръ вполнѣ согласились—фельдмаршалъ и генер. Нейдгартъ оставались при прежнемъ мнѣніи, атаковать со стороны Мокотова. Фельдмаршалъ основывался еще на томъ, что если насъ отобьютъ, то мы, соединясь съ Ридигеромъ, сохранимъ свободное отступленіе къ мостамъ при Гурце. Вотъ до какой степени онъ всегда опасался неудачи, и ко всѣмъ рѣшительнымъ мѣрамъ приступалъ со страхомъ.

Между тѣмъ я, кн. Горчаковъ и генераль Нейдгартъ ежедневно выѣзжали на рекогносци-

ровку, чтобы ближе ознакомиться со всѣми обстоятельствами и мѣстоположеніемъ. Въ лагерьхъ производилось практическое ученіе состоявшее въ штурмованіи валовъ; причемъ я убѣдился, что предложенныя фельдмаршаломъ складныя лѣстницы, по тонкости, не могутъ быть примѣнимы, ибо онѣ весьма часто ломались. Одна польза извлекалась изъ этихъ учений, что войска приучались къ нѣкоторому порядку во время приступа.

23-го августа.

Сегодня созванъ былъ общій военный совѣтъ изъ всѣхъ корпусныхъ командировъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Въ немъ участвовали: Его Императорское Высочество Михаилъ Павловичъ, генералы: кн. Щербатовъ, кн. Шаховской, я, гр. Паленъ, гр. Виттъ, Крейцъ, Бистромъ, Нейдгартъ, кн. Горчаковъ и Денъ. Здѣсь фельдмаршалъ предложилъ вопросы: 1) атаковать ли укрѣпленную Варшаву? 2) и съ какой стороны? На первый вопросъ, всѣ единогласно положили мнѣніемъ, атаковать открытою силою, не предвидя возможности иначе окончить войну. На второй вопросъ мнѣнія были различны. Первое состояло въ томъ, чтобы сдѣлать фальшивую атаку на Волю, и главными силами атаковать съ Мокотовской заставы. Второе, чтобы сдѣлать двѣ фальшивыя атаки, со стороны Повонзковъ и Мокотова на-

канунъ дѣйствительной атаки, и потомъ всѣми силами, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, ударить на Іерусалимскую заставу. Третье мнѣніе было, безъ всякихъ демонстрацій прямо повести атаку между Калишскимъ и Краковскимъ шоссе, имѣя Волю главнымъ пунктомъ атаки.

Съ первымъ мнѣніемъ, которое предложилъ генер. Нейдгартъ, никто не соглашался, кромѣ Крейца, но и тотъ не вполнѣ раздѣлялъ его. Со вторымъ, предложеннымъ кн. Горчаковымъ, соглашались: Крейцъ, Бистромъ и кн. Шаховской. Съ третьимъ, которое предложилъ гр. Толь, согласились: гр. Паленъ и Его Императорское Высочество, и къ которому присоединились гр. Виттъ, кн. Щербатовъ и Денъ, не высказавшіе своего опредѣлительнаго мнѣнія. По выслушаніи всѣхъ, фельдмаршалъ сказалъ: «Какъ большинство голосовъ на сторонѣ третьяго мнѣнія, то и я долженъ сказать, что эта всегда была и моя мысль» (что однако не видно изъ предъидущаго) и рѣшилъ привести его въ исполненіе 25 числа. Между тѣмъ, нѣкоторые вопросы были рѣшены еще тутъ, а именно: что для облегченія, людямъ идти въ мундирахъ и безъ ранцовъ, и что пункты, съ которыхъ долженъ начаться штурмъ, будутъ опредѣлены диспозиціею.

25-го августа.

Сегодня къ вечеру главная квартира арміи перешла въ селеніе Влохи. Проѣздомъ чрезъ Раинишъ полученъ былъ отвѣтъ отъ Круковецкаго, главы мятежнаго правительства, въ которомъ онъ говорилъ, что не можетъ войти въ переговоры безъ рѣшенія сейма, при чемъ, даже употребилъ довольно дерзкія выраженія. Послѣ этого, всѣ надежды на обращеніе мятежниковъ къ покорности исчезли. Мечъ долженъ былъ рѣшить судьбу Польши.

Все что происходило 25 и 26 числа, объяснено въ рапортѣ моемъ къ главнокомандующему. Подробные рапорты прочихъ корпусныхъ командировъ, поздне поступившіе, дали возможность полковнику Чевкипу (*), (на котораго фельдмаршалъ возложилъ написать реляцію) составить подробную и безпристрастную реляцію о семъ достопамятномъ штурмѣ; но когда она поступила на разсмотрѣніе фельдмаршала, то онъ, со свойственнымъ ему самолюбіемъ и завистію, не могъ перенести того, что сказано было о другихъ достойныхъ генералахъ, и сталъ вычеркивать цѣлыя статьи или давать иной оборотъ. Такимъ образомъ и на мой счетъ ска-

(*) Въослѣдствіи главноуправляющій путями сообщенія и дубличными зданіями.

заль онъ, будто во время дѣйствія онъ посы-
лалъ мнѣ повелѣнія, которыхъ я, какъ честный
человѣкъ сказать могу, никогда не получалъ;
сдавъ мнѣ команду надъ арміею, онъ чрезъ
полковника Муханова приказалъ сказать мнѣ,
что *«армія въ рукахъ моихъ, и что онъ пре-
доставляетъ мнѣ дѣйствовать по моему усмо-
трянію»*. Когда штурмъ кончился такъ блиста-
тельно и счастливо, то фельдмаршалу было лег-
ко приписывать себѣ все, что угодно; но если
бы онъ не удался, чтобы со мною сдѣлали?
Назвали бы меня измѣнникомъ, и онъ пер-
вый сложилъ бы всю вину на меня. Но я
спокоенъ, призывая 80 тысячъ человѣкъ въ
свидѣтели. Меня всѣ генералы и войска видѣ-
ли впереди, переходящаго отъ одной колонны
къ другой. Совѣсть моя не только не можетъ
ни въ чемъ упрекнуть меня, но дастъ мнѣ пра-
во гласно передъ всѣми сказать, что я вполнѣ
исполнилъ мой долгъ и всѣ обязанности, лежав-
шія на мнѣ, какъ на начальникѣ главнаго шта-
бе, особенно въ минуту, когда главнокомандую-
щій былъ контуженъ, и я принялъ начальство
надъ арміею, съ коею по благодати Божіей,
овладѣлъ 26 числа всѣми редутами и городскимъ
валомъ.

Покойный графъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ За-
балканскій, не нашелъ бы достаточно словъ бла-
годарить меня, если я столь достойнымъ образомъ

замѣнилъ бы его въ такую важную минуту. Гр. Паскевичъ Эриванскій, ни слова не упомянулъ, когда я явился къ нему послѣ сраженія, 27 числа, какъ будто бы онъ командовалъ арміею, а я былъ постороннимъ лицомъ. При моемъ появленіи, первою его мыслью было приказать мнѣ тотчасъ отдать въ приказъ по арміи, что онъ опять вступать въ командованіе оною.

Я долженъ еще присовокупить, что еслибы съ нимъ не случилось несчастія, то, когда непріятель сильно атаковалъ наше правое крыло, онъ конечно, не штурмовалъ бы непріятельскихъ редутовъ, опасаясь быть взятымъ въ правый флангъ, и можетъ быть отступилъ бы. Подобное было 25 числа, день, въ который можно было взять Варшаву. Около 3½ часовъ показался непріятель на обоихъ нашихъ флангахъ. Въмѣсто того, чтобы выдвинуть противъ него нашу многочисленную кавалерію съ конною артиллеріею, и всѣми силами ударить въ томъ направленіи, въ которомъ я повелъ атаку 26 числа, фельдмаршалъ остановилъ движеніе войскъ и ограничился одною канонадою, приказавъ въ то же время собраться военному совѣту изъ всѣхъ корпусныхъ командировъ, при коемъ находились я и генералъ-квартирмейстеръ. Какъ въ подобныхъ совѣтахъ обыкновенно говорятъ много пустаго, такъ и здѣсь время прошло, и наконецъ рѣшили отложить атаку до слѣдую-

щаго дня. Генер. Нейдгартъ заболѣлъ, и я вынужденъ былъ диктовать диспозицію на 26 число г. м. Данненбергу, которую фельдмаршалъ вполне одобрилъ, сдѣлавъ только измѣненіе по предложенію гр. Палена, касающееся его корпуса. Вслѣдствіе этой отсрочки, сопротивленіе 26 числа сдѣлалось гораздо упорнѣе, нежели бы было 25, ибо непріятель, опредѣлительно видѣлъ стремленіе и направленіе главныхъ нашихъ силъ, а потому, въ теченіи 24 часовъ, сосредоточилъ все свои силы и всю полевую артиллерию между Краковскимъ и Калишскимъ шоссе.

Зная слабую сторону фельдмаршала, я съ увѣренностью могу сказать, что онъ отложилъ бы атаку до слѣдующаго т. е. 27 числа, или, еслибы какой нибудь плѣнный проговорился, что Ромарино возвратился, вовсе отступилъ бы отъ Варшавы.

Что всего смѣшнѣе и доказываетъ лживость его чувствъ ко мнѣ, есть то, что составивъ краткую реляцію о сраженіи 25 и 26 чиселъ для Государя Императора, онъ не показалъ мнѣ даже содержаніе ея; почему я и заключаю, что она наполнена ложью, ибо совѣсть его въ отношеніи меня не чиста.

27-го августа.

Главная квартира перешла въ Мокотовское предмѣстье ; фельдмаршалъ расположился въ бельведерѣ. Между тѣмъ переговоры, чрезъ посредство г. м. Берга, продолжались съ польскимъ корпусомъ генер. Рыбинскаго, сдѣлавшимся главнокомандующимъ вмѣсто Малаховскаго. Дошло наконецъ до того, что Рыбинскій соглашался отдать намъ Модлинъ съ тѣмъ, чтобы заключить перемиріе на 6 недѣль и дать ему демаркаціонною линіею правый берегъ Пилицы, Вѣлюпскій и Піотрковскій округи и въ Люблинскомъ воеводствѣ по рѣкѣ Вепржу. На все это фельдмаршалъ соглашался, и чтобы еще болѣе склонить всѣхъ насъ на свою сторону, онъ приводилъ самыя смѣшныя и совершенно неосновательныя причины, такъ напр. онъ говорилъ, что если мы не имѣемъ Модлина, то армія должна умереть съ голоду; какъ будто бы въ Модлинѣ всѣ наши запасы ; но на самомъ дѣлѣ онъ опасался сосѣдства Модлина, полагая, что линіи нашего продовольствія, т. е. отъ Осека и отъ Бреста, въ опасности. Какъ я и Нейдгартъ разсматривали выгоды обладанія Модлиномъ совсѣмъ съ другой точки, то, чтобы не спорить, мы были очень рады, что фельдмаршалъ нашелъ хотя въ другихъ причинахъ, необходимость обладать Модлиномъ. Надобно при этомъ сказать, что Его Высочество,

одинъ оспаривалъ насъ трехъ, и время показало, что Онъ былъ нѣкоторымъ образомъ правъ, ибо поляки обманули бы насъ.

Эти переговоры продолжались около 10 дней, и наконецъ, когда уже рѣшено было заключить договоръ, пришло извѣстіе о разбитіи Ромарино и вогнаніи сего корпуса въ Галицію при Завихостѣ. Фельдмаршалъ послалъ адъютанта Бутурлина къ г. м. Бергу съ приказаніемъ, прекратить всѣ переговоры и поспѣшить возвращеніемъ въ Варшаву.

Въ послѣдующихъ переговорахъ между нами и мятежниками было мало искренности: каждая сторона хотѣла выиграть время. Мы, чтобы имѣть возможность присоединить къ арміи главныя силы корпуса Розена отъ Завихоста—мятежники, чтобы выиграть надъ нами нѣсколько маршей и ускользнуть чрезъ Вислу въ Краковское воеводство, не отдавая Модлина.

13-го сентября.

Это заключеніе въ послѣдствіи оправдалось. 13 сентября получено извѣстіе, что непріятель построилъ выше Плоцка мосты и уже переправляется. Гр. Паленъ посланъ форсированнымъ маршемъ чрезъ Сохачевъ и Гомбинъ къ Добрыкову, пункту переправы. Едва лишь появились казаки, какъ непріятель отступилъ опять на правый берегъ и снялъ мосты, спустя ихъ

къ Плоцку. Это побудило фельдмаршала, оставя одну дивизію гвардіи съ легкою кавалерійскою дивизією въ Варшавѣ, со всеѣми прочими силами двинуться къ Модлину и, переправясь при Окуневѣ чрезъ Вислу, продолжать слѣдовать къ Плоцку вслѣдъ за отступавшимъ туда непріятелемъ. Для наблюденія за Модлиномъ оставленъ былъ г. л. Головинъ.

18-го числа фельдмаршалъ получилъ увѣдомленіе отъ гр. Палена, что непріятель, построивъ вторично мостъ у Влоцловка, переправилъ уже значительную часть своихъ войскъ, вслѣдствіе чего онъ выступилъ къ Гостынину и поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Тутъ не мало перепугался фельдмаршалъ, сознавая свою ошибку въ томъ, что ослабилъ гр. Палена 3-ю гренадерскою дивизією, которой приказано было идти на соединеніе къ главнымъ силамъ на правый берегъ Вислы; но я успокоивалъ его тѣмъ, что я никакъ не полагаю, чтобы непріятель отважился идти за Вислу, чтобы пробраться въ Краковское воеводство, ибо на семъ пути, не имѣя никакого продовольствія и тѣснимый съ одной стороны Паленомъ и встрѣченный Ридигеромъ (съ Ружицкимъ было уже покончено) этотъ корпусъ мятежниковъ будетъ совершенно уничтоженъ. На это фельдмаршалъ предложилъ мнѣ закладъ о 10 червонцахъ; я сказалъ «нѣтъ, мало, 100 червонцевъ готовъ». — «Хорошо», от-

вѣчалъ фельдмаршалъ. Между тѣмъ, я совѣтывалъ фельдмаршалу, направить походнаго атамана со всѣми казачьими полками форсированнымъ маршемъ къ пункту переправы, а равно и генер. Крейца съ войсками 2-го корпуса чрезъ Плоцкъ.

20-го сентября.

Прибывъ въ Раціонжъ, получено извѣстіе, что мятежники 18-го числа возвратились опять на правый берегъ, бросивъ мостъ, которымъ гр. Паленъ завладѣлъ, и по которому намѣревается переправиться 19-го числа въ слѣдъ за непріятелемъ, отступившимъ чрезъ Липно къ Рынину. Новыя опасенія фельдмаршала, что непріятель пойдетъ на Литву; по сему случаю онъ послалъ офицеровъ генеральнаго штаба на Шренскъ и къ прусской границѣ, отыскивать и узнавать о дѣйствительномъ направленіи мятежниковъ, и только и говорить, указывая на карту, «надобно занять крѣпкую позицію на этой рѣкѣ». Я на это сказалъ: «Въ этомъ нѣтъ надобности, атаманъ съ казаками, подкрѣпленный Крейцомъ, достаточны чтобы заставить бѣжать непріятеля, и вы завтра узнаете, что мятежники перешли въ Пруссію».

Къ вечеру 20-го числа прибылъ фельдсегерь, привезшій Высочайшій приказъ объ увольненіи меня отъ должности начальника главнаго штаба арміи. Радость моя, избавиться отъ та-

кого человека, съ которымъ я никогда не могъ бы сойтись какъ въ чувствахъ, такъ и въ военныхъ взглядахъ, превосходила всякое вѣроятіе. Я благодарилъ Бога, что Онъ далъ мнѣ столько силъ и терпѣнія до послѣдней минуты выдержать характеръ.

24-го сентября.

Сегодня я откланивался фельдмаршалу; онъ принялъ меня привѣтливо, но не отъ души, а съ вынужденною учтивостью; затѣмъ я пошелъ домой, чтобы приготовиться къ отъѣзду.

Отправляясь изъ арміи, я по чистой совѣсти могу сказать, что я исполнилъ долгъ свой въ званіи моемъ, какъ истинный слуга Государя и отечества моего. Пренебрегая всѣми неудобствами, которыя встрѣчалъ я со времени командованія арміею фельдмаршаломъ кн. Варшавскимъ гр. Паскевичемъ Эриванскимъ, и не взирая на разстроенное мое здоровье, я всегда исполнялъ свою обязанность съ усердіемъ; могу сказать болѣе, былъ однимъ изъ тѣхъ, которые возставали противъ мнѣній фельдмаршала, несообразныхъ ни съ обстоятельствами, ни съ духомъ нашихъ войскъ, чрезъ что весьма часто отвращалъ его отъ такихъ намѣреній, которыя послужили бы къ совершенной гибели нашей арміи, въ чемъ могу сослаться на генераловъ Нейдгарта, кн. Горчакова, гр. Палена и кн. Щербатова, убѣдительно просив-

шихъ меня не покидать фельдмаршала, не смотря на ежедневныя неудовольствія. Во всѣхъ дѣлахъ съ непріателемъ, я былъ всегда впереди, чтобы лично удостовѣриться въ настоящемъ положеніи дѣлъ, въ чемъ ссылаюсь на всѣхъ гг. генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ, и даже нижнихъ чиновъ арміи, которые всѣ знали меня въ лицо, и при всѣхъ случаяхъ выказывали полное ко мнѣ довѣріе. Одно слово въ день битвы было достаточно, чтобы воспламенить войска, мимо которыхъ я проѣзжалъ. Время покажетъ, на сколько я былъ уважаемъ и любимъ всѣми въ арміи, и для этого нѣтъ надобности приводить здѣсь примѣры.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Мнѣніе графа Толя о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ польскихъ инсургентовъ послѣ переправы чрезъ Вислу; представленное въ Нешавѣ 14 (26) іюля 1831.

Послѣ переправы дѣйствующей арміи чрезъ Вислу, 9-го числа, необходимо остановиться на нѣкоторое время между Брестомъ-Куявскимъ, Влоцлавкомъ, Ловичекомъ и Нешавою, чтобы приготовить изъ муки, собранной на прусской

границѣ въ Шильно, 14 дневный запасъ провіанта и сухарей, такъ какъ сухари сложенные въ Данцигѣ и препровожденные туда изъ Риги, по разнымъ причинамъ, въ особенности же вслѣдствіе холеры, не могли быть доставлены въ Торнъ, ко времени нашей переправы чрезъ Вислу. 14-го вечеромъ сухари будутъ готовы, такъ что 15-го, армія можетъ выступить, снабженная 14-ти дневнымъ запасомъ сухарей, и сверхъ того 5-ти дневнымъ муки, которая повезется на подвижномъ магазинѣ.

Теперь нужно разсмотрѣть, какъ должна подвигаться армія, дабы достигнуть цѣли, т. е. принудить инсургентовъ къ покорности такимъ образомъ, чтобы не пришлось по недостатку продовольствія отказаться отъ овладѣнія Варшавою, единственной цѣли всѣхъ нашихъ усилій.

Разсматривая настоящее расположеніе арміи, нужно сказать что, въ строгомъ смыслѣ, оно ошибочно, ибо на чемъ базируются наши дѣйствія? На крѣпости Торнъ, находящейся въ странѣ союзнаго монарха, которая въ то же время есть источникъ ея продовольствія. Но этотъ источникъ, вслѣдствіе холеры, весьма ненадеженъ. Далѣе мы видимъ другія, еще большія невыгоды. Наши сообщенія съ Россією прерваны не только въ письменномъ отношеніи, что при общихъ военныхъ соображеніяхъ крайне неудобно, но отрѣзаны и средства, изъ которыхъ

армія могла бы извлечь пользу и усилить свой наличный составъ ; такъ она лишилась: выздоровѣвшихъ изъ госпиталей, подвоза жизненныхъ средствъ, сухарей, муки и овса, подвоза боевыхъ запасовъ, лошадей собранныхъ въ ломжинскомъ и кобринскомъ депо, резервовъ, возможности отправленія хроническихъ больныхъ во внутренніе госпитали, и наконецъ отсылки плѣнныхъ и подозрительныхъ людей. Нужно еще принять въ соображеніе, что армія поставлена въ необходимость, побѣдить или умереть, обстоятельство, котораго всегда нужно избѣгать. Выгода счастливо достигнутая арміею заключается въ томъ, что она безъ малѣйшаго сопротивленія переправилась чрезъ Вислу и нашла въ Торнѣ провіантъ на 14 дней. Но въ теченіи этого времени нужно пользоваться обстоятельствами, чтобы не только принудить инсургентовъ къ покорности, но и, если бы это не удалось, открыть дѣйствительную операціонную линію, или чрезъ Гуру Кальварію на Коцкъ и Люблинъ, или чрезъ Пулавы на Люблинъ и на Волынь чрезъ Хелмъ и Дубенку.

Принявъ сіе за базисъ, надлежитъ, прежде нежели перейти къ дальнѣйшему операціонному плану для главной арміи, обезпечить сперва границы Государства отъ новаго вторженія инсургентовъ, и поэтому занять Самогитію резервны-

ми баталіонами 4-го корпуса и войсками, состоящими подъ начальствомъ генер. Ширмана. Войска 4-го пѣхотнаго корпуса должны занять Ломжу, Вильно, Ковно, Бѣлостокъ и Минскъ. Все сіи войска, составляющія резервную армію, должны имѣть опредѣленные сборныя мѣста, дабы имѣть возможность встрѣтить инсургентовъ, на случай вторженія ихъ въ наши предѣлы.

26-я и 8-я пѣхотныя дивизіи занимаютъ Брестъ Литовскій; 1-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи съ 1-ю бригадою 1-й гусарской дивизіи главные пункты Волыни; двѣ бригады 9-й пѣхотной дивизіи и одна бригада гусарь блокируютъ Замосцье. Поэтому, главныя силы дѣйствующей арміи будутъ состоять: изъ 1-го и 2-го пѣхотныхъ, гренадерскаго и гвардейскаго корпусовъ, 3-го и 5-го резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ и изъ корпуса генерала бар. Розена т. е. 24-й и 25-й пѣхотныхъ и 6-й уланской дивизій, и наконецъ изъ корпуса генерала Ридигера, состоящаго изъ 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій и 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. Хотя эти войска не находятся въ совокупности, но они должны быть въ тѣсной связи, чтобы имѣть возможность всегда подать другъ другу руку помощи.

На сей конецъ надлежитъ, когда главная армія, двинувшись къ Варшавѣ, достигнетъ Бло-

не, расположить весь обозъ правѣе, когда же она будетъ стоять предъ Варшавою, то на Піотрковской дорогѣ. Съ этой же стороны нужно пачать нападеніе. Варшавою можно овладѣть двоякимъ образомъ, или голодомъ, или угрозою совершеннаго уничтоженія — превращеніемъ ея въ поле. Первое средство было бы продолжительно, второе потребуетъ нѣкоторой жертвы людьми, ибо сперва нужно овладѣть частью города, чтобы постепенно подвигаться и предавать пламени занятое пространство. Я считаю это средство кратчайшимъ и лучшимъ, потому что Варшава, окруженная со всѣхъ сторонъ укрѣпленіями, не можетъ достаточно вооружить ихъ, слѣдовательно, если атаковать съ 150 орудіями какой либо выдающійся полигонъ, то эти укрѣпленія въ нѣсколько часовъ будутъ приведены въ такое положеніе, что не только легко будетъ овладѣть ими, но и обратить орудія противъ самого города, который долженъ пасть послѣ непродолжительнаго сопротивленія. Я твердо убѣжденъ, что если загорится одинъ кварталъ, то будутъ умолять о мирѣ.

Держать Варшаву въ блокадѣ и отрѣзать всякій подвозъ — почти невозможно. Черезъ Модлинъ инсургентамъ открытъ путь въ Плоцкое воеводство; отъ другихъ же воеводствъ они конечно будутъ отрѣзаны расположеніемъ нашей арміи.

Чтобы установить наше собственное продовольствие на будущее время и сообщенія съ Россією, съ приближеніемъ нашимъ къ Варшавѣ, Розень и Ридигеръ должны соединиться въ Желеховѣ и двинуться къ Гурѣ-Кальваріи, въ то время какъ отъ дѣйствующей арміи отряжается отрядъ для овладѣнія мостомъ инсургентовъ, находящимся въ этомъ пунктѣ. (*) Занятіе Гуръ не только возстановитъ связь между обѣими арміями, но и обезпечитъ также нашу операціонную линію чрезъ Люблинъ на Волинь, если только мы будемъ имѣть постоянные мосты чрезъ Вислу, какъ здѣсь такъ и въ Пулавѣ. Для безпрѣятственного сообщенія чрезъ Вепржъ, должны быть также постоянные мосты въ Коцкѣ и въ Бобровникахъ. Въ заключеніе, я считаю долгомъ сказать, что всякое промедленіе въ дѣйствіяхъ послужитъ въ пользу инсургентовъ, ибо, не говоря уже о политическомъ впечатлѣніи, они усилятся, организуютъ войска и соберутся съ духомъ. Мы должны воспользоваться нравственнымъ и физическимъ разстройствомъ, въ которое привело ихъ Остроленское сраженіе; мы должны сколько возможно далѣе высылать партизановъ, чтобы отрѣзывать всякое сообщеніе съ столицею, забирать деньги изъ кассъ, уничтожать все при-

(*) Впоследствии оказалось, что они здѣсь никогда не имѣли моста (здѣсь нѣтъ, но выше у Шотыча).

*

казанія мятежнаго правленія, короче: мы должны во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствовать наступательно, гдѣ только представится случай нападать и разбивать, потому что перовѣсь нашихъ войскъ такъ очевиденъ, что одинъ смѣло можетъ помѣряться съ двумя.

Когда посипѣтъ новая жатва нужно немедленно учредить большіе магазины на Волыни, потому что операціонная линія чрезъ Люблинъ, представляетъ гораздо большія выгоды въ наступательномъ отношеніи, нежели линія Бреста. Но чтобы обезпечить продовольствіе, на случай если бы арміи пришлось остановиться на верхней Вислѣ занимая оба берега, нужно испросить согласія австрійскаго правительства, скупать запасы на границѣ Галиціи, и затѣмъ доставлять таковыя въ армію по Сану и Вислѣ.
